

С. 2

Как продолжать миссионерское служение святых Кирилла и Мефодия – главный вопрос для церкви сегодня

Рассказывая об итогах прошедшего заседания Синода, на вопрос газеты «Кифа» ответил глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда

С. 3

«В конечном счете всегда торжествуют справедливость и правда»

10 мая в пос. Глебовский Истринского района состоялся благотворительный концерт «Вспоминая войну... 1941–1945 гг.», организованный Культурно-просветительским центром «Преображение»

С. 6

Нехорошо человеку быть одному

6–7 мая в Санкт-Петербургской православной духовной академии прошла VI Международная студенческая научно-богословская конференция. Сегодня мы публикуем в незначительном сокращении доклад, признанный лучшим на секции «Богословие и апологетика»

Язык Церкви

Сегодня в нашем приложении два интервью. Первое дополняет материал о круглом столе по истории катехизации в Санкт-Петербургской епархии рассказом о начале переводческой деятельности священника Георгия Кочеткова; второе посвящено интересной дискуссии о литургических проблемах, завязавшейся на студенческой конференции в СПбДА

Радость встречи «двоих или троих»

В Подмоскowie прошла очередная, пятая по счету научно-практическая конференция по катехизации

Заседания конференции проходили в большом конференц-зале Культурно-просветительского центра «Преображение»

Свято-Филаретовский институт (СФИ) уже в пятый раз подряд провел специализированную научно-практическую конференцию по проблемам оглашения. В этом году, как и в прошлом, она вновь была посвящена основному (в традиции – второму) этапу катехизации. Дополнительную акцентировку получила антропологическая тема в рамках данного периода оглашения.

Подобно прошлому году, конференция проходила в течение трёх дней на выезде, в загородном подмосковном доме православного Преображенского братства, которое поддерживает СФИ с момента его основания в 1988 году. Разумеется, это обстоятельство способствовало особому состоянию «погружения» и в саму проблематику конференции, и в более тесное глубокое общение. Ведь по-настоящему церковные события не могут проходить лишь по образцу прочих внешних форумов: в них обязательно должно присутствовать некое особое экклезиологическое измерение. Как представляется по первым впечатлениям от конференции, эта, может быть одна из самых главных целей, с Божьей помощью была достигнута.

Опять-таки по сложившейся традиции конференция проходила в конце мая. Чаше всего эти дни приходятся на время, когда Церковь проживает особый, пасхальный период своего исторического странствия. Всем уже хорошо известно, что пасхальное время в церкви (как и предшествующее ему время Великого поста) изначально тесно связывалось именно с катехизацией: на Пасху совершалось торжественное крещение готовившихся к нему в течение длительного времени оглашаемых, а в первые пасхальные дни проходил завершающий этап их вхождения в Церковь – таинство водства, мистагогия. Не случайно именно в этот период церковного года за богослужением читается самое таинственное из Евангелий – Иоанново, не случайно читается и книга Деяний – воспоминание о жизни первоначальной церкви, воспоминание о «первой любви».

Не случайно каждый год эти пасхальные дни – время особых надежд, надежд на обновление жизни как всех верующих членов Церкви, так и самого порядка, нормы церковной жизни в целом. А полноценная качественная катехизация есть одно из необходимых условий возрождения этой церковной нормы.

Окончание на с. 7

«С нами произошло чудо...»

30 лет спустя. Слева направо: проф. Александр Копировский, проф.-свящ. Георгий Кочетков, прот. Александр Степанов, Юлия Большакова, Лариса Козловская

В прошлом номере «Кифы» мы рассказывали о конференции по истории катехизации, прошедшей в Санкт-Петербурге в начале мая. Сегодня мы, как и обещали, печатаем материалы круглого стола, посвященного 1980-м годам

Юлия Балакшина: Задумывая эту конференцию, мы решили заглянуть в историю того, как оглашение на нашей петербургской земле начиналось, как развивалось, какие формы, какие принципы на разных своих этапах имело. Конференция построена по хронологическому принципу. Мы начнем с середины XIX века, потом поговорим о рубеже XIX–XX веков и, наконец, переместимся в более близкие нам 1980–1990-е годы. И я надеюсь, что в конце у нас будет время и найдется слово и у тех людей, кто занимается катехизацией сейчас. Может быть, не для того, чтобы целостно делиться опытом – для этого есть другое время и другое пространство – но для того, чтобы просто сказать о том, что для каждого является внутренним импульсом, который подвигает сейчас, сегодня заниматься оглашением, катехизацией. В мае этого

года исполняется двадцать лет с тех пор, как наше Свято-Петровское малое православное братство стало участвовать в оглашении в Санкт-Петербурге. Этот маленький юбилей стал еще одним поводом для организации конференции.

И еще хотелось бы сказать перед тем, как мы приступим к нашей программе, что сегодня особый день – день рождения владыки Михаила (Мудьюгина) (конференция проходила 12 мая – ред.). Это был человек, который был дорог очень многим, многие из нас его лично знали и хорошо помнят. И он очень трепетно и благоговейно относился к процессу катехизации. Он благословил издание «Катехизиса для оглашаемых» и «Катехизиса для катехизаторов». И я думаю, если мы наша сегодняшнее собрание посвятим его памяти, это будет правильно.

Окончание на с. 4–5

«Он был человеком веселого христианского духа»

К 210-летию со дня рождения А.С. Хомякова мы публикуем беседу ведущей рубрики «В пространстве диалога» Юлии Балакшиной с проректором СФИ Дмитрием Гасаком и ректором СФИ священником Георгием Кочетковым

Юлия Балакшина: Наша рубрика называется «В пространстве диалога». Как Вы полагаете, Алексей Степанович Хомяков был диалогической личностью? Между чем и чем ему удалось установить диалог?

Дмитрий Гасак: Мне кажется, что само понятие диалога, по крайней мере, в том смысле, который мы сегодня в него вкладываем, не совсем близко славянофилам. Опыт XX века и нынешнего времени говорит о том, что в обществе, с одной стороны, диалог декларируется как норма, существует стремление к нему, иногда даже искреннее. Но с другой стороны, в диалоге люди часто занимают достаточно жесткую позицию по вопросам общественной, политической, экономической, культурной жизни. Люди очень часто собираются для того, чтобы диалогизировать, но диалога не возникает. Представление о диалоге сильно политизировано. Славянофилы, прежде всего, Хомяков и Киреевский, были людьми диалога не в этом смысле. Они заботились о возрождении русской самобытности, русской общественной, философской и богословской мысли, и эта забота подвигала их к тому, чтобы устанавливать, рождал диалог в прямом смысле этого слова. Для их круга как раз характерно желание диалога, ведущего к общению, желание думать и делиться мыслями.

Хомякова и Киреевского можно назвать инициаторами духовной мысли в России, может быть,

не единственными, но они чрезвычайно много сделали для того, чтобы эту мысль пробудить. Что касается персонально Алексея Степановича, то о нем известно, что он был очень искренним человеком и горячим спорщиком.

Конечно, когда я говорю о диалоге, я говорю о диалоге в бахтинском смысле, как о встрече двух личностей, двух точек зрения на глубине, встрече, которая предполагает рождение нового смысла. И в этом ключе, говоря о диалогичности личности Хомякова, я имела в виду, что в нем самом встретились два разных начала: начало, укорененное в европейской традиции, связанное с откровением личности, непрерывным развитием, творчеством, – и начало церковное, немислимое без опоры на традицию, церковное собрание.

Окончание на с. 8

А.С. Хомяков. Автопортрет. 1842 г.

Официальные новости

Как продолжать миссионерское служение святых Кирилла и Мефодия – главный вопрос для церкви сегодня

На вопрос газеты «Кифа» ответил глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда

30 мая в Петербурге прошло очередное заседание Синода Русской православной церкви. Открывая его, патриарх Кирилл сказал: «Господь проводит нас через разные испытания. И мы знаем, что такое внутренние нестроения, мы знаем, что такое внешние неблагоприятные обстоятельства – идеологического характера, как это было в нашем недавнем прошлом, политического характера, с чем мы сталкиваемся и сегодня – разные бывают внешние обстоятельства. Но наша задача заключается в том, чтобы хранить веру православную, передавать эту веру нашему народу и руководствоваться в своей деятельности исключительно общецерковным пониманием того, что есть воля Божия в каждый конкретный момент времени. Это требует того, что светским языком мы определяем как абстрагирование от внешних факторов. Некое абстрагирование всегда необходимо для того, чтобы сохранять внутреннюю свободу действовать. Не всегда и не во

всем Церковь может полностью действовать так, как она бы хотела. Но в самом главном мы должны сохранять внутреннюю свободу так, как это делали наши отцы даже во времена тяжких гонений».

По решению Синода в Русской православной церкви образована новая, Норильская, епархия в Красноярском крае, Марфо-Мариинская обитель милосердия преобразована в ставропигиальный женский монастырь, также принято положение о практике запрещения клириков в служении и почислении клириков за штат.

На брифинге по итогам прошедшего заседания Синода глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда представил журналистам руководителя недавно созданного сектора коммуникации Санкт-Петербургской митрополии Наталью Родоманову. Отдел будет заниматься связями с общественностью, в том числе взаимодействовать с представителями СМИ.

Далее Владимир Легойда ответил

на вопросы журналистов, первый из которых прозвучал от газеты «Кифа»:

В связи с празднованием Дня славянской письменности, о котором вы только что сказали, поднимался ли на заседании Синода вопрос о том, как продолжать традицию миссионерского просветительского служения святых Кирилла и Мефодия, чтобы помогать человеку войти в Церковь сегодня?

Владимир Легойда: Обсуждение этого праздника затрагивало разные аспекты, но в целом, я считаю, это, безусловно, правильная постановка вопроса. Но мне кажется, что этот вопрос решается не в рамках одного праздника. Это один из центральных вопросов вообще миссионерского и общественного служения Русской православной церкви сегодня.

А что касается праздника, то я могу сказать, что, на мой взгляд, найдена идеальная форма этого празднования,

которая естественным образом действительно относится к той традиции, которую основали Кирилл и Мефодий. Потому что это пространство языковой культуры, которое тогда было основано и которое жителям нашей страны понятно. Находясь в этом пространстве, мы понимаем, как связаны с этими людьми. Тысячи и сотни тысяч людей приходят и чувствуют себя единым культурным организмом, что в этом году, безусловно, было продемонстрировано. Я был на Красной площади и могу сказать, что, конечно, равнодушных не было.

В завершение брифинга Владимир Легойда, отвечая на вопросы об Украине, отметил, что сегодня пытаются втянуть в конфликт русский и украинский народы, однако предмета для противостояния между ними нет. Поэтому крайне важно, чтобы призыв председателя Русской православной церкви патриарха Кирилла к прекращению эскалации конфликта и примирению враждующих сторон был услышан.

Живое предание

Поместный собор 1917–1918 гг.: изучение церковного прошлого во имя церковного настоящего

Полное научное издание документов Великого московского собора представлено в Москве

Презентация многотомного полного научного издания документов Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. состоялась 22 мая в культурном центре «Покровские ворота». Проект реализуется в издательстве Новоспасского ставропигиального монастыря с 2011 года по решению Патриарха Кирилла. Издание представили члены Научно-редакционного совета во главе с его председателем – наместником Новоспасского монастыря епископом Воскресенским Саввой. Почетным гостем презентации был Апостольский нунций в РФ, архиепископ Иван Юркович. Встречу вел главный редактор портала «Богослов.ру» протоиерей Павел Великанов.

Первая попытка опубликовать материалы Поместного собора 1917–1918 гг. была предпринята еще в 1990-е гг., однако эта публикация не может считаться научной и полной, отметил епископ Савва. Что касается нового издания, то ответить на вопрос о точном количестве томов трудно – в архивах исследователи находят все новые и новые документы. Пока планируется выпуск около 30 томов – это публикации документов, снабженных комментариями, справочным аппаратом, библиографическими ссылками и т. д. Первый том посвящен Предсоборной работе 1917 г., он включает документы Предсоборного совета, в нем опубликованы акты, определявшие работу Собора (90 % документов издаются впервые), а второй том – это протоколы Соборного совета.

Как сказал епископ Савва, издание адресовано не только специалистам в области церковной истории, но всем, кто интересуется жизнью Русской церкви. «Нам бы очень хотелось, чтобы этот труд

не остался мертвым грузом, который пылится на полках библиотек, но был востребован», – сказал председатель Научно-редакционного совета.

Все выступавшие на презентации подчеркивали чрезвычайную актуальность изучения документов Всероссийского Церковного собора 1917–1918 гг. в наши дни. Историк Сергей Фирсов сформулировал это так: «Изучение церковного прошлого во имя церковного настоящего». Прикосновение к подлинным документам собора позволяет «зачинить дыры», восстановить преемственность древней церковной традиции соборности, считает ответственный редактор издания Александр Мраморнов.

Историки говорили также о том, что Поместный собор невозможно воспринимать вне контекста революционных перемен. Так, священник Илья Соловьев, кандидат исторических наук, отметил, что трагические события февраля 1917 – осени 1918 гг. заставляли участников собора менять позицию по значимым вопросам, и это можно проследить, изучая документы. Например, сначала соборные отказались от восстановления патриаршества, а потом Поместный собор пришел к мысли о необходимости избрания предстоятеля Церкви в упование, что этот шаг предотвратит раскол. Соборные документы позволяют увидеть некоторую наивность соборян, которые в первые дни советской власти полагали, что она долго не удержится, «не понимали всей трагичности событий», считает о. Илья.

Революционные годы были временем тотального разрушения основ существования общества, продолжил историк Андрей Зубов. «Единственное, что сохранилось тогда, – это Церковь», – сказал

он, подчеркнув, что Поместный собор знаменовал собой освобождение Церкви от слишком тесных объятий государства, выход ее из состояния глубокого упадка Синодального периода. «В этом было глубоко мистическое значение: Господь заботился о Церкви как Своем Теле – в момент падения народа Церковь дала ему импульс возрождения», – отметил профессор. Этот импульс заключался в опыте свободного соборного творчества, когда «Церковь строила себя так, как сама считала нужным», и этот опыт – «абсолютно бесценный для России, будущее которой немислимо без свободной Церкви», подчеркнул А. Зубов.

Невозможно переоценить дух свободы, которым проникнуты документы собора, но вместе с тем, собор был и явлением «глубоко трагичным», отметил историк Алексей Беглов. По его словам, из решений собора было осуществлено только восстановление патриаршества; остальные же замыслы «были сметены» уже к началу 1920-х гг. Но необходимо помнить, что «на все вопросы церковной жизни, начиная от устройства церковного управления и до дисциплинарных проблем духовенства, тогда были даны ответы». Этим не стоит пренебрегать сегодня, несмотря на то, что многие понятия из соборных документов воспринимаются иначе. Например, Поместный собор говорил о приходе как территориальной единице, сегодня же приход в таком смысле не существует. Поэтому, продолжил А. Беглов, необходимо вынуть не только в формулировки соборных решений, но – в «логику их смысла», «осознать церковное творчество отцов собора во всей полноте выработанного ими богословского аппарата». Кроме

того, изучение наследия собора – это еще и «долг памяти, который должно отдать наше поколение тому поколению Церкви, с которого началась эпоха новомучеников, это восстановит связь поколений в Церкви», убежден А. Беглов.

В ходе дискуссии участники презентации размышляли о том, насколько решения Всероссийского Церковного собора 1917–1918 гг. применимы в наши дни. Епископ Савва, отвечая на вопрос о применении принципа выборности епископов, сказал: поскольку «Церковь живет и развивается», решения собора «в чем-то актуальны, а в чем-то – нет, в силу исторических причин». Буквальное соблюдение всех решений собора – вовсе не залог успеха церковной жизни, о чем свидетельствует опыт Западно-европейского православного экзархата, считает о. Илья Соловьев. По его словам, самое главное в решениях собора – это «сам принцип соборности в управлении Церкви». «Какие формы это примет – покажет время, сейчас мы даже не можем предполагать, как это будет выглядеть через 50 лет», – сказал он.

В заключение о. Павел Великанов выразил надежду, что новое издание станет основой для введения в духовных школах РПЦ специального курса по истории Всероссийского церковного собора 1917–1918 гг. Поблагодарив Научно-редакционный совет издания, он сказал: «Вспоминаются слова Сергея Фуделя, которые он обращал к тем, кто «заглядывал» в церковную историю, – «Копайте глубже!» К счастью, процесс «копания глубже» начался – издание деяний собора дает для этого все возможности».

Юлия Зайцева
Благовест-инфо

Издание Преображенского сотрудничества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Деметьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова

Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге:
в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81.

Телефоны распространителей
Москва:
+7-964-534-64-55
(Александра Ошарина),
+7-965-146-14-56
(Анна Гринман),
+7-965-128-15-07
(Марина Чиркова)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-3981
(Анастасия Наконечная)

США, Канада: 1-651-210-4922,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-1137
(София Кудряцева)
Воронеж: +7-950-763-5035
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-0391
(Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-964-296-9042,
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305
(Ольга Кузнецова)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная дом 6 строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 9 июня 2014 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 11 июня 2014 г.

gazetakifa.ru

Миссия и катехизация

В СФИ прошла ежегодная научно-практическая конференция по катехизации

В форуме приняли участие 90 человек – практикующие катехизаторы из пяти стран и 26 городов

«Проблема человека сейчас интересует всех, кто занимается катехизацией, то есть помощью людям во вхождении в церковь или укреплении личностного измерения веры», – сказал ректор СФИ священник Георгий Кочетков, открывая пленарное заседание в первый день конференции, 19 мая. Современный человек расколот: его мысли, слова, жизнь не сходятся, он сам для себя – загадка. При этом антропология – не просто одна из тем христианского вероучения, которая раскрывается на основном этапе оглашения, но и ключевое измерение всего процесса катехизации.

«Самый крутой антропологический поворот, который может произойти с человеком, происходит именно на оглашении», – добавил отец Георгий.

Антропологический аспект раскрывается в духовном пути не только оглашаемых, но и катехизатора. От него требуется передать оглашаемому не просто учение, а опыт, который позволит каждому человеку «вспомнить» образ, по которому он создан, увидеть, что он утратил в момент грехопадения, помочь ему лично войти в историю спасения, участником которой призван стать каждый. При этом от самого катехизатора требуется вера в то, что этот образ в человеке уже есть.

На круглых столах, в докладах и дискуссиях были затронуты многие проблемы, связанные с темой конференции. Среди них – острые вопросы биоэтики, вхо-

ждение оглашаемых в опыт исполнения закона Божьего, вопрос о том, как вести разговор о грехопадении в процессе воцерковления, как помочь человеку понять, что в его жизни является тем идолом, от которого он должен отказаться (последние две темы прозвучали в докладе Владимира Якунцева, одном из наиболее ярких событий конференции).

В заключительный день участники конференции говорили о человеке перед воцерковлением, в конце основного этапа оглашения.

Самое трудное для людей на пути к Богу – научиться поступать по вере. «Людям это трудно, поскольку они привыкли всегда искать гарантий, – заметил проректор СФИ, катехизатор Дмитрий Гасак. – А Христос никаких гарантий никому никогда не давал».

Преподаватель СФИ, кандидат социологических наук Анна Алиева, проанализировала свидетельства людей, прошедших оглашение в Преображенском братстве за последние 20 лет. Многие люди приходят на оглашение, имея абстрактное представление о Боге и о Христе, часто с обидой на Бога. Даже регулярно участвуя в богослужении и причащаясь, многие не понимают, что происходит в храме, какое отношение молитва и Священное писание имеют к их жизни. К концу оглашения многие свидетельствуют, что им открывается их путь: они начинают видеть, что Господь вел их всю их жизнь, задолго до того, как они переступили порог храма или пришли на оглашение.

Конференция завершилась открытым пастырским семинаром о проведении исповеди за всю жизнь и критериях готовности катехуменов к ней.

В работе конференции приняли участие представители Общецерковной аспирантуры и докторантуры, Кузбасской духовной семинарии, Российского православного университета, Курсов катехизаторов во имя священномученика Фаддея, отдела по взаимодействию Церкви и общества Красноярской епархии, Католической высшей духовной семинарии «Мария – Царица Апостолов», Свято-Филаретовского института.

По материалам сайта СФИ, портала «Религия и СМИ», сайта Седмица.ru
Интервью с организаторами и участниками конференции мы, как всегда, будем публиковать в этом и следующем номерах

В издательстве СФИ вышел сборник материалов прошедшей год назад конференции «Традиция святоотеческой катехизации: основной этап»

Конференция проходила в Москве 28–30 мая 2013 года и была посвящена целям, содержанию и особенностям основного этапа катехизации, связанного с непосредственной подготовкой взрослых людей к крещению или началу сознательной церковной жизни.

Конференция продолжила цикл, посвященный проблемам возрождения катехизации в русле святоотеческой традиции. На ней были рассмотрены вопросы о месте и роли основного этапа в процессе оглашения, условия перехода оглашаемых на этот этап, его пастырские аспекты (специфика проповеди просвещаемым, молитва за них, экзорцизмы, исповедь за всю жизнь и другие).

Основное внимание в представленных материалах уделено начальной теме основного этапа оглашения – «Бог и мир. Сотворение мира», ее целям, церковным требованиям к содержанию и форме, дискуссионным вопросам (в том числе относящимся к сфере современной науки), различию катехизических и догматических аспектов темы.

В сборнике представлены тексты докладов вместе с сопровождавшей их дискуссией и материалы двух круглых столов. Тексты публикуются в редакции авторов.

Информационная служба СФИ

Новости православных братств

«В конечном счете всегда торжествуют справедливость и правда»

Из года в год в нашей стране ко Дню победы проводится много торжественных мероприятий. Ветеранов приглашают на митинги и в школы, дарят им подарки.

10 мая в Глебовском Доме культуры (Истринский р-н Московской области) состоялся благотворительный концерт «Вспомяная войну... 1941–1945 гг.», организованный творческим коллективом Культурно-просветительского центра «Преображение». Концерт собрал ветеранов и участников Великой Отечественной войны из поселков Глебовское и Красный, их детей и внуков и даже тех, кто годится им в правнуки, – среди зрителей были ученицы первого и второго классов Глебовской школы.

Президент КПЦ «Преображение» Алексей Андреевич Наумов поприветствовал всех гостей и кратко рассказал о деятельности просветительского центра, расположенного в поселке Красный Истринского района. Это и проведение выставок (они проходят не только в Храме Христа Спасителя и Александр-Невской Лавре, но и во многих городах России); и организация научно-практических и богословских конференций, семинаров, встреч с представителями культуры, общественными деятелями, информационные и благотворительные проекты, работа с детьми и молодежью. В Истринском районе сотрудники центра проводят выставки и конференции, благотворительные рождественские и пасхальные праздники для детей и взрослых, регулярно убирают местный парк, навещают детей социально-реабилитационного

центра. КПЦ «Преображение» входит в совет православных общественных объединений при Отделе Московского патриархата по взаимодействию церкви и общества.

Ведущий концерта Сергей Бурлака предложил присутствующим сделать усилие по оживлению памяти, чтобы вспомнить о том, что происходило на нашей земле, с нашими бабушками и дедушками. Вспомнить не только о трагедии, страданиях и скорби, но и о подвиге, о мужестве, о том, как несмотря на страшные испытания, удавалось сохранить человечность.

Гости чутко реагировали на происходящее. У ветеранов и участников войны на глазах блестели слезы, когда Николай Клюев, Михаил Сергеевич и Мария Патрушева зачитывали воспоминания фронтовиков, когда Чингиз и Елена Бахадовы, Севак Мирабян и Александра Смирнова исполнили песни военных лет. А под зажигательную музыку баяна девочки, занявшие целый ряд, дружно пританцовывали, сидя на стульях. Стихи Анны Ахматовой, которые читала Ольга Ярошевская, тронули сердца всех – от маленьких до самых старших.

После концерта и праздничного чая гости тепло благодарили организаторов. Их слова были созвучны тому, что недавно высказал писатель Даниил Гранин: «Вы знаете, существует такое сакральное пространство, когда человек возвращается в сострадание и духовность. В конечном счете всегда торжествует не сила, а справедливость и правда. И это чудо победы, любовь к жизни, к человеку...»*

Особенно ценными стали свидетельства ветеранов и участников войны.

Николай Кузьмич Зоренков, член Союза советских офицеров, член Совета ветеранов:

Очень хороший концерт, просто за душу взял. И воспоминания, которые читали, перекликались с моими, даже холодом брало. Всё вспоминалось, всё, как у нас. Я участвовал в боевом тралении на Черноморском флоте с 1944 года. Мне было 17 лет. Нас сначала отправили в Ленинград, потом в Рыбинск, где строили тральщики, потом по Волге в Калач, потом в Азовское море, и там мы начали воевать. Мы тралили вражеские мины и свои мины. И свои корабли взрывались, и люди тонули и гибли: что сделаешь, война есть война. Я даже плавать не умел, а там научился, куда деваться. Командир давал команду – и мы прыгали в воду: пара умеющих плавать и остальные не умеющие. И так втянулись в это дело.

Зинаида Михайловна Чижова:

Очень хорошо, спасибо, очень хорошо. Всё мы пережили, милые. Телеги на себе возили, бороны. Всё-всё на себе таскали. Копали вручную, и на полях были одни женщины, даже умирали от этого – заворот кишок. Клевера поднимали. Всё перенесли. Я с Украины, у нас в селе было 470 домов, а кругом в любую сторону – поля, и все их мы обрабатывали. Следующее поколение не верит тому, что мы пережили. Мне 9 октября будет 86 лет. Война началась – мне было тринадцать. Вот сейчас на

Ведущий Сергей Бурлака и двукратный победитель всероссийского конкурса, лауреат международных конкурсов Станислав Малышев (цифровой баян)

день Победы всё вспоминается, сижу и плачу. Праздник трудный, тяжелый, одни слезы.

Татьяна Сергеевна Чувакова:

Концерт хороший, девушка в белой кофточке понравилась – поет хорошо. Мне было пятнадцать лет, когда война началась. Я жила в Туле, всю войну возили на быках раненых к своим, а убитых – в могилы, и немцев, и своих. О, милые, сколько видели горя, сколько! Не приведи Бог никому! Как-то раз нас, детей, немец закрыл в подвал под замок на шесть дней. Ничего не ели. Всё сжег. Конюшню рядом, там сто лошадей было. Так ржали! За каждым словом на концерте слезы, за каждым словом. Сейчас молодые не понимают и не слушают, им жизнь кажется такой легкой...

Закончилась встреча общим пением фронтовых песен.

Дарья Макеева
Фото Бориса Левицкого
Информационная служба Преображенского братства

* Из речи Даниила Гранина, которую он произнес в немецком бундестаге в День памяти жертв нацизма 27 января 2014 года.

«С нами произошло чудо...»

Начало на с. 1

Круглый стол, посвященный истории катехизации в Санкт-Петербургской епархии в последние десятилетия XX века

Сейчас слово «оглашение» стало привычным, понятным и даже для некоторых пугающим. Я обнаружила в интернете список храмов Санкт-Петербургской епархии, в которых можно креститься без оглашения. Оказывается, люди ищут такие храмы. В 1970–1980-е годы было совсем по-другому, стремление к сознательному воцерковлению было движением самого церковного народа. Проходить научение вере в то время было очень опасно, потому что оно преследовалось органами КГБ.

Мне хотелось бы всем вам задать вопрос: что вдохновляло тогда на оглашение? какими принципами люди руководствовались? как это было и что это было для вас в вашей личной жизни?

Александр Копировский: Одно из чудес, настоящих чудес в моей жизни, в нашей общей жизни, было то, что мы с о. Георгием оказались в Петербурге (тогда – Ленинграде) в один год совершенно независимо друг от друга. Он поступил в Духовную академию, а я неожиданно для себя получил приглашение преподавать в ней церковную археологию. Я приезжал для этого раз в неделю из Москвы, а потому присутствовал и на некоторых огласительных встречах. С оглашаемыми и с потенциальными оглашаемыми мне приходилось встречаться также на тему церковного искусства и вообще искусства, водить их, например, в Эрмитаж... Это было очень хорошее живое общение, совершенно естественное. Не просто шли беседы об искусстве, была важна сама атмосфера, в которой что-то открывалось: атмосфера открытости ко всему – к культуре, к искусству, к философии, к богословию. Оглашение было связано с насущными проблемами того времени. И эту естественность общения тогда поддерживала Академия: её ректор владыка Кирилл, преподаватели... Это был процесс, захватывавший всех. Не один человек что-то делал – это касалось самых разных людей, как и должно быть в Церкви. Ведь оглашение – не аналог светского обучения, натаскивания, овладения информацией. Это вхождение в церковную жизнь через все стороны обычной жизни.

Вы ведь и стихи читали на оглашении...

Александр Копировский: Читал... Помню, как пришлось говорить о Тютчеве. Все знают, что это был не просто выдающийся поэт, но что у него много глубоких стихотворений о вере. А я однажды наткнулся на его четверостишие – раннее, начала 1820-х годов – совсем другого содержания. И прочитал его на огласительной встрече:

*«Не дай нам духу празднословья!»
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.*

Вот с чего он начинал! Вполне по-хулигански, в соответствии со своим 17-летним возрастом...

Ну, а после этого, для контраста, я читал его стихотворение 1851 года «Наш век», все его знают:

*Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою позибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...
Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

Юлия Большакова: Мои воспоминания не катехизационные, а докатехизационные – это праистория, когда на почти ровном пустом месте Господь что-то создаёт. Это был 1980-й год, сразу после Олимпиады. У нас с мужем (ныне отцом Львом), как и у очень многих молодых людей в это время, происходило волнение, брожение, поиск, но не было человека для того, чтобы нас подтолкнуть. Произошёл чудесный счастливый для нас случай: мы с друзьями были на юге, и на обратном

пути одна из нас оказалась в поезде и даже в одном вагоне с о. Александром Менем. При этом поезд долгое время где-то стоял, и поэтому катехизация произошла. Она приехала совершенно другим человеком и практически сразу познакомилась нас с о. Александром. Мы приехали в Новую деревню, и это оказалось для нас счастливой возможностью наконец попытаться войти в мир Церкви. Отец Лев тогда не только не был еще священником, но и не был крещён, и в ближайшее время, на Пасху, о. Александр Мень его крестил в Новой деревне. Для меня это тоже было крещением: хотя я была в детстве крещена, но жила совершенно вне Церкви. Кто жил в то время, знает, насколько это была пустыня в смысле какой бы то ни было христианской информации и общения, поэтому для нас происходившее было совершенным чудом.

Вначале всё для нас сосредотачивалось в Москве. Мы знали, что есть христиане в Петербурге (тогда еще Ленинграде), но всё время ездили в Новую деревню, чтобы общаться с о. Александром и с небольшой компанией, с которой мы в Москве начинали молиться и читали какую-то литературу. Первые маленькие протестантские зелёные Евангелия на очень тонкой бумаге мы получили от о. Александра – до этого мы их и не видели. Потом о. Александр направил нас к о. Василию Лесняку в Шуваловский приход, и продолжали воцерковляться мы уже здесь, но всё-таки достаточно часто ездили и в Москву, потому что жить без общения было очень сложно. Ведь всё время хочется со своими единомышленниками о Боге говорить. Но мы не знали абсолютно ничего – белое поле, пустое место. Постепенно через приход собралась небольшая компания – нас так ориентировал о. Александр, что мы должны по человеку, по человеку собирать, встречаться как можно чаще, по любому поводу: именины, праздники – что угодно, читать Библию, Евангелие, очень редкие в то время христианские книги, которые всё-таки можно было достать в «тамиздате» и «самиздате»; я помню, как всё это переписывалось, перепечатывалось. Мы это всё читали – это была некая «самокатехизация», потому что мы не имели руководителя в самый начальный момент. И года два мы так просуществовали. А потом Господь послал нам новое утешение – у нас появился будущий о. Александр Фёдоров, а тогда студент архитектурного факультета Академии художеств, и он привёл настоящих христиан. С этого момента началась уже серьёзная работа и катехизация. Стали появляться группы. Однажды мы пригласили всех желающих – удалось небольшую «рекламу» с ними провести, и в нашей двухкомнатной квартире сесть было некуда, все стояли по стойке «смирно». Тогда стало понятно, что надо эти встречи устраивать более доступно. Дальше надо было уже руководить тем, кто этим занимался.

Люди приходили к вам – это были встречи перед началом оглашения?

Отец Александр Мень говорил: будьте просто таким «бульоном», в который человек приходит и ему есть о чём поговорить с людьми. Так у нас и было: кто хотел, тот приходил. У нас не было научного подхода к этому. Была очень тёплая атмосфера. Сначала мы встречались один раз, потом стали встречаться два раза в неделю – и нам не было скучно.

Чем вы занимались на этих встречах?

Мы читали Библию – маленькими кусочками, с комментариями. Читали Евангелие, тоже маленькими кусочками, по очереди, с комментариями, читали какую-то духовную литературу, ту, что удавалось достать – например, «Исповедь» блаженного Августина.

А вы чувствовали на себе какое-то пристальное внимание советских органов, или в молодости было не до того?

Мы были привычные, поскольку жили в этой среде (смех), но мы старались беречься. Отец Александр Мень говорил: когда вы разговариваете по телефону, имейте в виду, что вы втроём. Помню, однажды мне позвонила одна девушка и спросила по телефону: «У вас тут читают в квартире Евангелие?» Я сказала: «Нет, у нас не читают Евангелие, если хотите, приходите просто на чашечку чая» (смех). Мы никогда не упоминали никаких фамилий. Скажем, кому-то понадобилась книга о. Александра Мень «Истоки религии». Он звонит и говорит: «Слушай, у тебя нет книги “Реки Ленинградской области и их истоки?”» Сразу всё ясно становится (смех). Или: «Я в прошлый раз тебе давала пирожок, ты его уже съела?» – «Какой, синенький?» – отвечает товарищ. – Да, спасибо. Пришли мне что-нибудь зелёное – мне очень надо» (это значит, Евангелие).

«Большой тюбик зелёной краски» означал Библию, «маленький тюбик зелёной краски» – Евангелие (они в зелёных обложках были – «тамиздатские»). Про какого-нибудь человека спрашивали (это о. Александр Фёдоров ввёл): «а он – хороший человек?» (Это значило: он верующий?)

Как долго группы встречались?

По-моему, такая праистория до начала катехизации у нас была года два или три. Потом появился о. Георгий – и сразу это превратилось во что-то на другом уровне. По воскресеньям после службы он приходил – это была агапа. В общем, это уже был другой уровень.

Появлялись ли среди вас некрещёные, те, кого потом крестили?

Это случалось постоянно. Например, муж за женой зашёл. Ему говорят: сейчас мы закончим, ты останься. Он остаётся подождать жену и потом остаётся с нами насовсем. И таких случаев было очень много. «Бульон» – он был такой, крепкий.

Какова судьба тех людей, которые входили в ваш круг? Знаете ли Вы, что сейчас с ними стало?

О многих я знаю. Пятеро стали священниками, двое из них, два отца Николая, уже умерли. Кто-то регентует, кто-то в хоре поёт. Когда ситуация изменилась и стало возможно участвовать в служении церкви открыто, то практически все из нас разъехались и разошлись по этим служениям. Но мы собираемся, общаемся.

Многие ли из тех, кто тогда в этом бульоне варились, потом сами стали заниматься катехизацией?

Конечно. Когда эта «праистория», эта стихийная катехизация закончилась, нашим активным молодым людям стало ясно, что это надо делать серьёзно и всё как-то структурировать – слишком много людей уже появилось (вначале это была небольшая группа). Они разошлись по другим квартирам, по другим приходам, и эта работа расширялась всё время.

Вы сказали, что о. Александр Мень отправил вас к о. Василию Лесняку. Мы знаем, что между ними была взаимосвязь еще и из воспоминаний о том, что монахиня Елена (Казимирчак-Полонская) устраивала в Петербурге тайные богословские общества под председательством владыки Кирилла, тогда ректора. А ваше общество участвовало в этих встречах?

Нет, мы слишком просты были для больших тайных заседаний. Мы просто друг друга блюли под покровом о. Василия и были счастливы, что можем вместе друг с другом общаться и самообразовываться. Мы про эти встречи слышали, но в них не участвовали.

Лариса Козловская: Я была в числе той молодёжи, которая во второй половине 1980-х годов волей Божьей пришла в церковь. Меня крестил сам о. Василий, и я сразу попала в ту удивительную небольшую общину, о которой говорила Юлия. Каждое воскресенье мы собирались после богослужения; у нас была трапеза – либо просто в лесочке, либо мы ехали домой к о. Льву и матушке Юлии и там продолжали встречу, беседовали, читали какие-то произведения – я помню, о. Иоанна Мейендорфа читали вслух и обсуждали. У нас обычно воскресенья были очень долгие, мы расходились только к вечеру. Евангелие мы вместе читали по будням, собирались в среду или в четверг. Потом начались катехизические встречи. Они проходили на моей квартире, и на них собиралось много народа, а наши два катехизатора конца 1980-х – о. Александр Фёдоров, который тогда ещё не был отцом, а просто был Сашей Фёдоровым, и замечательный Володя Шнейдер – сначала что-то рассказывали (о Евангелии, о Символе веры, о молитве Господней, о заповедях блаженства; самое главное, что я помню, – в центре всегда был Христос), а потом было чаепитие. За чаем шли очень жаркие беседы, ответы на вопросы, потому что темы затрагивали духовную жизнь людей. Что касается каких-то страхов, конспирации, то в конце 1980-х это казалось уже абсолютно неважным делом. Важно было собираться, говорить о Боге, молиться.

Юлия Балакшина: Кто-то из тех, с кем я говорила, готовя эту встречу, рассказывал: три раза в неделю все бывали в храме – сейчас так часто не бывают.

Александр Копировский: В субботу вечером в Академии было всеобщее бдение, а по четвергам был акафист иконе Божьей Матери «Знамение», на котором ректор, владыка Кирилл, всегда проповедовал. Это были большие проповеди, рассчитанные на оглашаемых, и это было не только огласительным моментом, – на эти проповеди приходили многие прихожане других городских храмов. Это был, можно сказать, общегородской праздник.

Что же касается огласительных встреч, то на них атмосфера была именно такая, о которой сказала Лариса Викторовна – не учительная («мы говорим, а они слушают»), а был живой разговор, и иногда, действительно, какие-то споры. Была разность потенциалов, зато было интересно и живо.

У храма в Новой деревне

Лариса Козловская: Отца Александра Меня я в последний раз видела живым на таком катехизическом собрании у меня дома в самом конце 1980-х годов...

Потом, действительно, все разошлось по своим служениям, но того, что было тогда, в 1980-е, я думаю, не забудет никто из нас. Замечательными были контакты с Москвой – и о. Георгий Кочетков приезжал, и Александр Михайлович. Все были счастливы друг друга видеть и молиться вместе Богу. Хотя в социально-экономическом плане конец 1980-х – начало 1990-х – это было что-то ужасное, но мы это время пережили очень светло.

Сколько длилось оглашение?

Наверное, как учебный год. Потом было крещение тех, кто у нас оглашался.

Юлия Балакшина: Отец Александр, а как это происходило у Вас?

Прот. Александр Степанов: В 1982 году я уже считал себя церковным человеком, но по-настоящему многое понял, уточнил и выверил в своей жизни уже в общине, о которой рассказывали Юлия Олеговна и Лариса Викторовна.

Первые мои катехизаторские опыты относятся к 1989 году. Получилось так, что я был приглашен через знакомых в качестве проповедника или просто христианина в тюрьму. Тогда это было еще очень ново, интерес церкви на волне перестройки и празднования тысячелетия крещения Руси был огромен, и совершенно не надо было никаких специальных ухищрений, чтобы битком набить квартиру любого размера людьми, желающими хотя бы что-то вообще узнать о церкви, понятии о христианстве и т. д. В тюрьме эти процессы шли более или менее параллельно, хотя и со своими особенностями. И совершенно случайно получилось, что у одной участницы нашей общины сосед по коммунальной квартире, молодой парень, сидел в тюрьме. И до нее дошел запрос от него: хорошо бы кого-то из верующих пригласить в тюрьму (он узнал, что такая сумасшедшая в квартире живет, что в семинарии на регента учится и вообще в церковных кругах вращается). Священников тогда было очень мало, и были они нарасхват – их и на телевидение, и туда, и сюда приглашали, поэтому заключенные как-то и не рассчитывали в тот момент, что придет священник, но хоть кто-нибудь приехал бы. И это было озвучено на нашем очередном собрании: кто пойдет? Ну вот я и вызвался: «Давай, я готов попробовать». Что это будет – я не знал.

К катехизации я тогда уже приближался; Саша Федоров, Володя Шнейдер уже занимались этим, когда я пришел, правда, даже на наших встречах это были еще только первые опыты и обсуждения, как все это делать. Я уже тогда один раз присутствовал на таком цельном цикле, уже была идея, что я тоже этим буду в ближайшее время, наверное, заниматься, и надо понять структуру. Структура, конечно, была – трехчастная структура: предоглашение, оглашение, таинствоводство. С самого начала от о. Георгия мы переняли его опыт; о. Александр общался с ним очень много. Схема эта и до сих пор прекрасно работает, мы продолжаем заниматься катехизацией, и я вижу и здесь тех, кто катехизацию проходил у нас на приходе.

Так что какая-то идея, о чем я там в тюрьме буду с народом говорить, у меня была, но практики еще не было никакой. Когда я пришел, меня просто засыпали вопросами. Я не знал, будет эта встреча первой и единственной или потом будет еще продолжение. Во всяком случае, после первой встречи было совершенно очевидно, что вопросов осталось гораздо больше, чем успели задать. Желание, энтузиазм у них был огромный, и я решил попробовать приехать еще раз, и дело пошло, я, так сказать, втянулся¹.

А параллельно с этим были встречи нашей общины, и они уже не помещались в одной квартире (чаще всего мы встречались у о. Льва). Мы стали разбиваться на разные квартиры и только иногда устраивать отдельные встречи тех, кто старше, потому что в каждой квартире уже образовывалась новая, можно сказать, катехизическая группа, которую уже кто-то вел из «первого состава». И у меня тоже появилась такая группа на Петроградской стороне; в ней я и осуществил в первый раз катехизический опыт уже в более или менее законченном виде. Потом мы начали немного литургикой заниматься, служить вечерню мирянским чином и т. д., как и другие в то время делали. Когда это стало возможно, мы помогли в Академии художеств в 1991 году открыть храм: о. Александр Федоров там служил и катехизировал, а я был старостой. Через полгода меня тоже рукоположили. Потом о. Александр перешел в Духовную академию, а я продолжал вести группы по квартирам, пока у нас на Васильевском острове не появился собственный храм святой Анастасии, куда, естественно, перешли все эти встречи. Так что все эти годы, с конца 1980-х, так и не прерывалось дело катехизации. Сейчас у меня на приходе уже есть помощники, которые тоже это делают, так что я не один.

Юлия Балакшина: Не говоря о формах, которые, естественно, изменились с 1980-х годов, какой-то внутренний импульс, внутреннее наполнение, дух катехизации изменился ли по сравнению с 1980-ми?

Прот. Александр Степанов: Я думаю, что в целом всё осталось примерно тем же самым. Хотя есть и различия. У нас были опыты, когда мы по радио объявляли о наших беседах, и приходило очень много людей, 80–100 человек. Приходили и те люди, которые уже воцерковлены, слушают радио уже несколько лет и просто хотят с удовольствием еще что-то послушать, как на просветительских курсах, где рассказывают об иконах или о золотом шитье. Но то, что мы предлагаем, всё-таки не просто «для расширения кругозора» предназначено, а для введения людей в церковную жизнь. Поэтому бывают даже и трудности с этими людьми, у которых сложились какие-то свои представления о православии, иногда очень узкие и специфические. Поэтому я с некоторых пор перестал делать широкие объявления, и на встречи приходит гораздо меньше людей, потому что храм маленький, мало кому известный. Но все-таки до 20 человек в катехизическую группу набирается. И здесь, конечно, важно общее прохождение вот этих этапов.

У нас есть группы для людей уже воцерковленных, они тоже, естественно, хотят собираться. Мы не делаем специальных собраний по домам, мы все-таки центрируемся на храме прежде всего, тем более, что у нас помещений достаточно много. Так, скажем, группа моих помощников проводит беседы по Ветхому Завету. Я тоже провожу разные беседы – о культуре христианской, о храме.

Юлия Балакшина: Отец Георгий, хотелось бы попросить Вас поделиться своими воспоминаниями.

Священник Георгий Кочетков: Для меня большая радость – быть здесь сегодня. Я многие годы был связан с Петербургом, и не только в годы учебы в духовной академии. Начиная с 1975 года мы с Александром Михайловичем Копировским регулярно приезжали в начале ноября на литургию апостола Иакова. В 1975 году она совершалась в Троицком соборе митрополитом Никодимом (Ротовым). Был там и архимандрит Кирилл (Гундяев). С тех пор мы не могли её пропустить, какие бы ни были трудности, и Господь нам в этом всегда помогал. Поэтому я не случайно попал в ЛДА (хотел поступать в семинарию, а поступил в академию): меня приглашал сюда еще митрополит Никодим; и хотя я довольно скептически к этому отнесся в беседе с ним, но владыка Кирилл продолжал меня приглашать, и в конечном счете в 1980 году я оказался здесь, так же как и Александр Михайлович. К тому времени у нас были друзья, знакомые, свой круг в Питере, где всегда были какие-то философские кружки. Я немного участвовал в этих кружках, но это были совсем потаенные встречи по домам, по квартирам. У нас был и свой довольно большой кружок. В Ленинграде всю нашу группу ежемесячно принимал у себя владыка Кирилл.

В Академии было известно, что я уже много лет, с начала 1970-х, оглашаю взрослых, а с конца 1970-х мы ведем огласительные группы при приходе одного нашего знакомого священника, что для этого я перевел молитвы чина крещения². И в начале Великого поста 1981 года (я тогда учился на I курсе и был иподиаконом вл. ректора) владыка сказал: «Есть у нас молодой человек, он привел студентку, которая хочет креститься. Надо её к этому подготвить». И вот весь Великий пост шло оглашение этой девушки, Светланы, а на Пасху произошло – уже в храме – крещение. Архиепископ Кирилл не проводил само оглашение, но он сам читал молитвы над нею в начале и совершал крещение. Это было чрезвычайно важно: архиерей не только поддерживал этим катехизацию, он показывал пример семинаристам и академистам, как надо это делать. Потом времена стали меняться к худшему, и владыка Кирилл уже не решался крестить и читать чины над оглашаемыми в академическом храме. Он стал это делать у себя в архиерейских покоях. Я там ему помогал, конечно, но, к сожалению, это было уже не на глазах людей. Семинаристы, академисты этого уже не видели, а может быть, об этом даже не знали. Тучи сгустились. Моя статья в Журнале Московской Патриархии³, в которой об этом рассказывалось, прошла через сильную цензуру; от моего текста остались «рожки да ножки», и все-таки осталось самое главное: упоминание о совершающемся в ЛДА оглашении. О том, что у нас реальные живые взрослые люди крестятся после оглашения, пусть еще очень краткого, полтора-два месяца.

Если переводить на общепонятный язык святоотеческой традиции, тогда была только вторая часть оглашения; не было еще ни первой, ни третьей. Здесь нужно сказать, что когда еще в Москве началось оглашение в группах, у нас не было возможности сравнивать этот опыт с чем бы то ни было. Но позже мы увидели удивительные совпадения и со святоотеческим, и с современным нам опытом. Скажем, с тем, что тогда делали о. Александр Шмеман и о. Иоанн Мейендорф в Православной церкви Америки. И это естественно, ведь Церковь одна, и она напоена одним Духом, от чего и рождаются подобные друг другу или даже тождественные смыслы.

Впервые третий, мистагогический этап оглашения я проводил здесь же, в Петербурге. Это произошло уже после того, как меня выгнали с 4-го курса академии (по требованию уполномоченного Совета по делам религий и органов КГБ в ноябре 1983 года). Мы проводили

Митрополит Никодим (Ротов) возглавляет литургию св. ап. Иакова в храме Ленинградской духовной академии. 1969 г.

мистагогический этап с 4 по 10 декабря 1983 г. по совершенно новой программе. Это оказалось потом чрезвычайно актуально и важно, потому что опыт восприятия догматов, таинств, аскетики коренным образом связан с возможностью воцерковления человека. Если человек этого не усваивает, ему воцерковиться очень трудно. Он легко может отпасть, уж не говоря о том, что может и заблудиться. В духовной жизни это нередко бывает. Первый же этап оглашения как некая программа, пусть и очень простая, сложился еще позже, через несколько лет уже в Москве. Мы и сейчас, как о. Александр Степанов рассказывал, придерживаемся очень строго этой структуры, совершенно традиционной для церкви. Поэтому оглашение у нас довольно долгое.

То, что владыка Кирилл с таким пониманием и с такой настойчивостью, несмотря на опасности, поддержал нас, стало причиной того, что он тоже как-то пострадал. Нас-то (меня и еще одного студента) просто исключили из академии, Александра Михайловича тоже убрали через полгода, а владыку Кирилла через полтора года перевели в Смоленск. В одном из своих интервью он прямо говорит, что это была опала, связанная с нашей катехизической деятельностью.

Но, несмотря на все сложности, этот период был для всех нас замечательным и плодотворным. Это было действительно создание духовной среды, которая за советское время была насильственно разрушена практически полностью. Матушка Юлия говорила об этой пустыне, и я думаю, что те, кто постарше, помнят именно духовную пустыню, причем во всей стране. Но благодаря катехизации – делу благодатнейшему, хотя и не очень простому – действительно получалось эту пустыню победить. Очень интересно, что тогда, несмотря ни на какие опасности и трудности, все хотели общаться. Общение же – это прежде всего доверие, открытость. И христианская вера связана с таким доверием. Сейчас часто бывает так, что люди воцерковляются, а доверия не возникает, общения, и даже тяги к общению, нет. Сама потребность не то что три раза в неделю ходить вместе в храм, но вообще поддерживать такие отношения иногда (и довольно часто) не формируется, даже если крещение происходит с оглашением в той или иной форме.

В последующие годы мы все, конечно, старались поддерживать отношения, хотя это становилось довольно опасным делом. Ведь всегда были люди, которые совсем не хотели, чтобы в церкви кто-то что-то знал и понимал и за что-то отвечал. И сейчас есть такие люди, которым это совсем не нужно и которые с этим сознательно борются.

Тем не менее катехизация здесь, в Петербурге, конечно, продолжалась в разных формах. О преимуществе тех или иных форм можно спорить, но эти различия естественны, ведь это все творческий процесс, и он будет всегда, как и разномыслия будут всегда, чтобы открылись истинные. И здесь я должен вспомнить еще один хороший момент, когда в 1996 году митрополитом Санкт-Петербургским стал владыка Владимир (Котляров). Я пришел к нему на прием, и он, к моему большому удивлению, благословил нас вести катехизацию во всей Петербургской епархии. Я об этом говорю потому, что этот факт прежде нигде не был опубликован, сегодня я его впервые озвучиваю. Раньше я об этом нигде не писал и не говорил; но сейчас владыка на покое и в епархии другой правящий архиерей. И теперь об этом уже можно сказать публично.

У стен Александро-Невской лавры. В центре студент ЛДА Георгий Кочетков. 1982 г.

Вопросы участникам круглого стола задавали члены Свято-Петровского братства и другие гости конференции

¹ Отец Александр Степанов в течение многих лет возглавляет братство св. Анастасии Узорешительницы, которое занимается благотворительным (в том числе тюремным) служением.

² Подробнее об этом см. в приложении к настоящему номеру «Язык Церкви».

³ Кочетков Юрий. Первая седмица Великого поста в Ленинградских Духовных школах. ЖМП №6 за 1981 год. С. 26.

6–7 мая в Санкт-Петербургской православной духовной академии прошла VI Международная студенческая научно-богословская конференция. В ней приняли участие более 80 аспирантов и студентов, представляющих 37 богословских и светских вузов из России и ряда других стран. Среди семи лучших докладов конференции был назван доклад Максима Дементьева (Общецерковная аспирантура и доктор-

антура им св. Кирилла и Мефодия), выступавшего на секции «Богословие и апологетика». Сегодня мы публикуем этот доклад, а в приложении к нашему номеру можно прочитать интервью еще одного выпускника СФИ, принявшего участие в конференции, – Ольги Орловой, чей доклад прозвучал на секции «Литургия и пастырское богословие»

Нехорошо человеку быть одному

Доклад Максима Дементьева «О понятии *κοινωνία* у Платона, Аристотеля, в Новом завете и у свв. отцов-каппадокийцев»

Рассматриваемые в докладе столь различные авторы могут быть объединены одним общим положением: они используют одно и то же понятие, *κοινωνία*, причем для решения в чем-то сходной для всех проблемы.

Что это за проблема? Представляется, что она может быть сформулирована следующим образом: это попытка осмысления априорно очевидной, но нетривиальной для ясного целостного описания ситуации, которая характеризуется: 1) фактом бытийствования человека, 2) тем, что это бытийствование всегда имеет место вместе с другими людьми, 3) существованием некой трансцендентной реальности, превосходящей человека и весь мир, но необъяснимым образом связанной с миром и человеком (и из которой, вероятно, они получают свое бытие). В контексте общих представлений, свойственных авторам, предполагается, что под упомянутой трансцендентной реальностью имеется в виду «Высшее Благо» Платона, «Перводвигатель» Аристотеля, Бог библейского откровения у христианских авторов.

Платон

Человек – микрокосм, отражающий в себе строй, порядок и меру макрокосма. Связи единства, придающие космосу порядок и целостность, и есть койнония. Аналогом вселенной является не отдельный человек, но сообщество, к которому он принадлежит, – полис. То, что организует связность полиса, также есть койнония.

Граждане объединяются в полис, чтобы в каком-то смысле реализовать свои таланты и восполнить недостатки другого. Главным идеалом, который правильно организует жизнь каждого индивидуума и всего полиса, является справедливость. (Из такой трактовки функциональности граждан рождается учение в «Государстве» о трех классах идеального полиса.) Здесь также возникает аналогия об идеально организованном государстве как образе человека, в котором все органы устроены разумно и стройно (ср. образ церкви как тела у ап. Павла).

Но очевидна проблема разрыва между образом идеального полиса и любой его реализацией. Она получает свое разрешение в платоновской теории идей. Здесь же пролегал еще одно измерение «койнонии» – как причастности трансцендентному идеальному миру. Но внятного объяснения «природы» этой причастности вещей своим идеям добиться затруднительно.

Отсюда следует известный вывод о причастности человека обоим мирам (низшему, чувственному, и высшему, идеальному) с акцентом на неподлинность и невысокую ценность этого мира (ср.: «тело – темница души»).

Третье измерение «койнонии» – присутствие ее как необходимого условия диалога, главного философского метода Платона.

Аристотель

Аристотель также разделяет платоновское (и общее для античности) убеждение в упорядоченности космоса и его отображения, полиса. Но он в каком-то смысле «автономизирует» жизнь человеческого сообщества: возражая Платону, он считает, что она строится не по идеальному «лекалу». Это связано с общей для Аристотеля фокусировкой интересов в сфере практической, научно-исследовательской деятельности. Стремление к общению заложено в человеческой природе: человек есть как «зоон политикон», так и «зоон койноникон» («Эвдемова этика»). Ключевой конституирующей фактор для сообщества – добродетель. Но, в отличие от Платона, она укоренена не в идеях, а является продуктом практического навыка. Койнония в сообществе достигается посредством реализации и соблюдения меры как некоего баланса. И одновременно ее наличие является предусловием для нахождения этой меры.

Интересны его размышления о природе дружбы, которая также основывается на койнонии и ведет к достижению счастья («эвдемонии»). Но в целом онтологический статус «койнонии», если можно так выразиться, остается всецело имманентным этому миру.

То же относится и к более крупному человеческому сообществу, т. е. государству. Аристотель применяет к пониманию природы любых человеческих сообществ тот же научный метод, который он использует для рассмотрения природы. Государство состоит из элементов – полисов; полисы из более мелких сообществ; все они движимы целью исходя из имеющейся в них (собственной) «койнонии».

Подобно Платону, Аристотель высоко ставит единство сообщества, но, в отличие от Платона, не выступает за униформность.

Цель жизни человека – совместное активное участие в жизни полиса.

Но у Аристотеля наблюдается принципиальный разрыв: есть благо «чисто человеческое» (связанное с деятельным участием, в согласии с добродетелью, в жизни полиса) – и есть благо созерцательной жизни. (индивидуальное?) возводящее к Первопричине, – которое отличается от первого! Существование «интеллекта» логически и онтологически отделено от жизни «человека».

В итоге у Аристотеля сохраняется некая форма платоновского дуализма: как и Платону, ему не удается логически связать добродетель и познание.

Κοινωνία в Новом завете

Понятие «койнония» используется в Новом завете весьма широко и в разнообразных контекстах, которые будут перечислены чуть ниже. По сравнению с рассмотренными выше нехристианскими мыслителями важно указать на одну ключевую вещь: в отличие от Платона и Аристотеля, новозаветным авторам трансцендентная истина была явлена не как тень на стене пещеры (используя знаменитый платоновский образ). Поэтому вопрос о соотношении между этим и трансцендентным миром, об опосредующей их реальности даже не ставился. Явление и присутствие «единственного Посредника между Богом и людьми» (ср. 1 Тим 2:5), распятого и воскресшего Христа, было столь очевидно, что речь об этом могла идти только посредством проповеди, воспринимавшейся эллинами как «безумие» (ср. 1 Кор 1:18). Апостолы не объясняют, а возглашают, когда, например, говорят: «...наше общение есть общение («койнония») с Отцом и с Сыном Его...» (1 Ин 1:3). «Койнония» между Небом и землей установлена – благодаря событию явления, смерти и воскресения Христа. Поэтому главный и единственный предмет интереса – распространение этой койнонии на все аспекты жизни верующих и разнообразные аспекты ее проявлений. Тем самым открывается возможность для устранения упомянутых выше разрывов, присущих (хотя и по-разному) и Платону, и Аристотелю.

Из основных значений термина «койнония» очень богато можно упомянуть следующие: 1) причастность переданной традиции веры; 2) участие в продолжающемся событии Евангелия (т. е. спасительного действия Бога «здесь и сейчас»); 3) разделение (в разных аспектах) жизни как своей христианской общины, так и других общин; 4) участие в евхаристической и агапической трапезе; 5) мистическая причастность Страданиям Христа (с надеждой на причастность Его Воскресению).

Каппадокийцы

В качестве перехода от новозаветных авторов к отцам-каппадокийцам стоит упомянуть одного автора, писания которого по времени вплотную примыкают к поздним новозаветным текстам. Речь идет об смщч. Игнатии Антиохийском. Слово «койнония» в посланиях Игнатия не встречается ни разу; однократно встречается лишь *κοινός* («койнос») – в контексте близком к Тит 1:4 («Титу, истинному сыну по общей вере») и Иуд 1:3 («Возлюбленные, имея всяческое усердие писать вам об общем нашем спасении, я почел за нужное написать вам увещание подвизаться за веру»). По одному этому факту, конечно, нельзя судить о происшедших изменениях в «модусе» жизни христианских общин (и их самосознании) по сравнению с общинами первоначальной церкви, отстоящими от них на одно-два поколения, но все же данный факт примечателен.

Рост интереса к понятию «койнония» отмечен в IV в. и связан с вкладом каппадокийских отцов в разработку проблематики богословских споров своей эпохи. Употребление понятия «койнония» особенно свойственно Василию Великому. Койнония оказывается «способом» решения острых вопросов своего времени: утвердить за Св. Духом божественный статус (тем самым снимая обвинение в «троебожии», которым сопровождается богословская рецепция понятия «ипостась» по отношению к Божеству, или в том или ином виде модализма) и одновременно Его «свойство» соединять верующих. В произведении «О Св. Духе» «койнония» вводится как сущностная связь, «соединяющая три Ипостаси триединого Бога в одну сущность, усую». Последнее есть развитие ключевой для восточнохристианской традиции мысли о нашей причастности божественной жизни, высказанной еще в 2 Пет 1:3–4 («...стали причастниками Божественного естества», *ὑἐνηθηθε θείας κοινωνοὶ φύσεως*). Для Василия это еще увязывалось с сильным влечением к монастырской жизни («в койнонии» (как самому верному образу христианской жизни, сходному жизни первохристиан), которое он пережил в молодые годы.

Трапеза любви – агапа. Рим, катакомбы Присциллы. III век

Для Григория Назианзина «койнония» оказывается ключевым в размышлениях о Божественной икономии, о путях спасения: человеку даровано общение с Богом самим «модусом» его бытия как «образа Бога»; «второй койнонией» является событие вочеловечения Сына, посредством которого уже весь человек (включая его плоть) получает возможность участия в Божественной жизни. Для мистически настроенного Григория Нисского «койнония» – цель духовного восхождения человека к Богу.

Заключение

Из приведенного краткого обзора видно, что для рассмотренных авторов понятия «койнония» является значимым для выстраивания связанного понимания целостной системы «человек – мир людей – мир трансцендентный» и выражения собственного духовного опыта – как живой части этой живой системы.

У Платона «койнония» – одно из ключевых понятий описания как «мира людей», так и отношения между «миром людей» и «миром трансцендентным». Из христианского видения мы бы сказали, что у него очень сильна интуиция и переживание падшести мира и печали о былой (изначальной) «койнонии» мира и того, что выше этого мира. При этом общение в «мире людей» принадлежит очень немногим: в идеальном полисе числом 5040 учтены только его граждане; все остальные люди тем самым не почтены званием людей в полном смысле слова. По меткому замечанию С.С. Аверинцева, античная тога великолепна, но человек не мог одеть ее без помощи раба.

У Аристотеля с его большей внутренней склонностью к исследованию этого мира «койнония» между людьми разрабатывается более подробно и получает более богатые краски (например, тема дружбы). «Мир людей», как и весь этот мир, получает, по сравнению с Платоном, как бы большую самостоятельность, автономность, не настолько жесткую зависимость от мира идей. Примечательно, что этот взгляд приводит к большей демократичности, эгалитарности воззрений, опять-таки по сравнению с жесткой иерархической структурой у Платона. Но зато, в отличие от Платона, у него еще более глубокой оказывается дихотомия между «миром людей» и тем, что так или иначе связывает его с трансцендентным.

В новозаветных текстах мы видим большое многообразие «койнонии» в «мире людей»; о «койнонии» с миром трансцендентным практически не говорится (во всяком случае, эта тема звучит не как интеллектуальное исследование, но как живое свидетельство). Но при этом у непредвзятого читателя возникает живое ощущение присутствия и актуализированности этой новой «койнонии» между людьми – и ее укорененности в том, что превышает ее естественные свойства, сообщая совершенно новые качества.

У отцов-каппадокийцев понятие «койнонии» возникает в связи с триадологическими спорами их эпохи. При этом актуализируется как новозаветное содержание понятия «койнонии» (как Церкви, новой общности людей, живущих обновленной жизнью с Богом и друг с другом), так вводится новое его использование – для «схватывания», для выражения откровения о внутрибожественной жизни. Особое значение получает то, что через «койнонию» увязываются различные аспекты откровения и целостной христианской жизни: «койнония» лежит в центре практической общинной жизни христиан, и она же служит средством познания тайн внутрибожественной жизни, причем сами процессы богооткровения и богопознания могут быть описаны в категориях «койнонии».

Таким образом, понятие «койнонии» может служить неким «маркером» (если взять аналогию из естественнонаучной сферы: маркеры – специальные вещества, используемые для выявления наличия определенных других веществ или процессов). Его присутствие в речи «маркирует» наличие у того или иного автора глубокого внутреннего, как мы сейчас сказали, экзистенциального интереса к проблеме, выраженной триадой «человек – мир людей – мир трансцендентный».

Радость встречи «двоих или троих»

В Подмоскowie прошла очередная, пятая по счету научно-практическая конференция по катехизации

Начало на с. 1

Несмотря на то, что в последние годы возрождение катехизации находится в фокусе внимания высшего церковного руководства, на практике все прекрасно понимают, что сдвинуть дело с мертвой точки одними административными распоряжениями не получится. (Все-таки, слава Богу, Церковь не армия – хотя подобную «эксклезиологическую ересь» как раз в последние годы приходится слышать всё чаще.) И здесь для тех священников, катехизаторов, просто добровольцев, которые искренне желают восстановления этой традиционной нормы в современной церковной жизни, требуется особая поддержка, особое вдохновение. Опять-таки не секрет, насколько в нашей нынешней жизни бывают сильны тенденции к проявлению уныния – от невозможности хотя бы в малейшей степени преодолеть сопротивление рутины, которая, как короста, захватывает и душает все живое в церкви и в обществе,

рутины, с которой бескомпромиссно боролась лучшие люди нашей церкви еще в прошлые века. Как сказал в доверительном разговоре один из участников конференции, вполне традиционный московский батюшка, наша трагедия в том, что нынешнее состояние приходской жизни – это некий «вывих», в то время как подлинная, обличная жизнь церкви вытеснена в область «аномального», и добиться общего осознания в церкви нормы именно как нормы – труднейшая неподъемная задача.

Именно для обретения некоего нового вдохновения и проводятся эти конференции. Да, научно-исследовательские, учебно-методические, практически-пастырские вопросы замечательны и чрезвычайно важны – но если в нашей церкви не возникнет «критическая масса» носителей этого вдохновения, все усилия могут оказаться напрасными. Все-таки Церковь жива – и живет –

именно Духом, чего никогда нельзя забывать.

Кажется, конференция сделала некий новый шаг к этой цели. Нельзя не отметить, что состав священников, ее участников, с каждым годом обретает как бы некое устойчивое ядро, но также каждый раз появляются и новые лица. Растет взаимное доверие и открытость, что с неподдельной радостью отмечают некоторые батюшки. Принципиально важно и то, что движение к основательной (а значит, традиционной и подлинной) катехизации начинает возникать в самых разных уголках нашей церкви. Причем, что существенно, эти ростки начинают прорастать не путем «насаждения» тех или иных методик и огласительных систем, пусть уже и доказавших прежде свою эффективность, а благодаря живому интересу, живой вере – как уже церковных людей, стремящихся помочь другим обрести драгоценную

жемчужину веры Христовой, так и самих ищущих этой жемчужины, ищущих полноты откровения Света, Любви, Свободы. (А методы и методики уже прикладываются к этому важнейшему, первоначальному условию: ведь в Церкви канонично то, что ей полезно, как говорил выдающийся русский церковный историк В.В. Болотов.)

Дай Бог, чтобы это вдохновение распространялось в нашей церкви всё шире.

М.Д.

Интервью с руководителем оргкомитета конференции проф. А.М. Копировским

Есть известная шуточная задача: 120 десятков яиц помещаются в 6 больших коробок, но если их закинуть ногами...

На конференции были очень сложные темы. Как планировалось их обсуждать в столь короткий срок? Получилось ли это?

У нас есть давняя традиция: не «записывать» по восемь, а то и десять докладов в день, а ставить не больше двух, максимум – трех докладов в половину дня. При этом мы учитываем, что доклады – разные по времени. Есть фундаментальные – таких бывает не больше одного за половину дня, а то и за целый день. Есть краткие доклады или отдельные сообщения по 10-15 минут. То есть вопрос вместимости решается за счет того, что дни не перегружены докладами – не бывает сплошных речей без вопросов, без обсуждений. Мы специально на дискуссию даем много времени. Понятно, что конференция – не дискуссионный клуб: да, нужно обсудить доклады, задать вопросы и дать на это время, но жанр конференции менять не надо. Поэтому внутри конференции есть не только доклады и обсуждения, а есть еще и семинары. На них «вбрасывается» основная проблема, а затем выступающий говорит: «Вот основные мнения по ней, вот второстепенные мнения, а вот спорные...» И дальше все разбирается с последствиями этого «вброса».

Были на конференции еще и круглые столы, когда заранее ставится общая для всех тема с вопросами, опубликованными заранее. Ведущие здесь просто помогают участникам вместе эти вопросы осмыслить, дают дополнительную информацию. Мы так сделали, когда обсуждались «личные заповеди» оглашаемых: прочитали целый ряд таких заповедей и задали основные критерии их оценки. А дальше начались разговоры: кто какой здесь имеет опыт, кто как их понимает, что надо делать в перспективе и т. д.

Поэтому мы все успели. Не понадобилось заменять или пропускать ни одного доклада. Бывало, что мы немного сдвигались по времени, тогда продлевали вторую половину дня. Один раз у нас была даже «третья половина дня»: семинар в

полвосьмого вечера – но это по плану. Зато на завтра весь вечер был свободным, и были официально объявлены «народные гуляния» (они закончились большим импровизированным концертом силами участников и молодежного «Круга»). Так что разнообразие – залог успеха.

Обычные светские (а часто и церковные) конференции – жанр, который давно уже выдыхается. Бывает иногда так, что там сидит председательствующий, докладчик, и хорошо, если есть несколько человек в зале, чаще всего – другие докладчики. С одной стороны, это вроде бы создает хорошую рабочую обстановку – только специалисты слушают. Но есть какой-то нижний предел, после которого такая форма обсуждения становится формальностью. И наоборот – бывают сверхмноголюдные конференции, на которых не только обсудить что-то, но даже успеть прийти на многое нельзя.

Мне показалось, что на нашей конференции мы не попались ни Сцилле, ни Харибде. И это каждый раз – чудо. Потому что всегда есть опасения: вдруг что-то пойдет не так, кто-то не уложится во время и будет нервничать... Нет! Как-то всё устраивается. Ведущие не властвовали, а говорившие не пытались во что бы то ни стало вырваться и договорить. Хотя, я знаю, некоторые останавливали себя и сами срезали по несколько страниц, зачитывая только выводы. Ну, в конце концов, к следующей конференции выйдет сборник – там, пожалуйста, каждый может свою статью дать полностью.

А что для Вас лично было самым радостным на этой конференции?

Пожалуй, адекватное понимание ситуации людьми, которые здесь оказались в первый раз. Они ведь приехали вслепую или почти вслепую: что-то прочитали – наш анонс конференции, материалы на наших сайтах. Но они ведь читают и всякие гадости об институте и братстве, которых в интернете, к сожалению, достаточно – и все-таки решили поехать и посмотреть. Просто зрителей мы не принимаем, здесь были только те, кто заявил, что тема катехизации их волнует. И они не только приехали, но сразу включились в ситуацию, сразу ощутили общую атмосферу, оценили актуальность обсуждения. И вели себя совершенно естественно, ни под кого не стилизуясь, – их живая реакция и была для меня очень радостным фактом.

Что касается содержания конференции, то его всем надо еще впитывать. Каждый многое для себя открыл, причем даже в вещах, которые нам более или менее известны. А когда ты вдруг даже в знакомом видишь какие-то новые грани – это тоже очень радует.

Беседовала Елисавета Колымагина

Говорят участники конференции

Что было наиболее интересным и наиболее неожиданным в обсуждении?

Священник Петр Боев (Красноярск): Самое важное – что здесь говорят не о теории, а о практике. И если звучат доклады теоретического плана, то они сразу как бы обнажаются и дополняются практическими комментариями людей уже опытных. Главное, что мне нравится в этих конференциях, почему я с таким удовольствием и еду сюда, – это именно наличие практической стороны вопроса, жизненной. И конечно, для меня было большой радостью смелое формулирование проблемных вопросов современного человека, разговор о том, что я чувствовал, что в глубине души уже знал. Мне понравилось, что те вещи, которые у меня в зачаточном виде уже были как вопрос, здесь раскрылись и начали расти дальше.

Вообще тема человека, в том числе вопрос происхождения зла, это действительно очень искусовые вещи. И я точно могу сказать, что большинство православных здесь Богу противоречат. Они считают, что все проблемы, всё зло все равно от Бога (ведь «всё от Бога»). Просто это мнение явно не выражено. И поэтому серьезная и довольно-таки смелая постановка этого вопроса, с пониманием, что отцы не дают на него полного ответа, на самом-то деле, – вот это мне очень понравилось. С одной стороны, это очень интересно, и в то же самое время именно это и неожиданно. Потому что для того, чтобы такие проблемы обсуждать, нужно не просто смелость и отвагу, и браваду какую-то иметь; необходимы подлинное понимание человека, его проблематичности и, действительно, как по Исааку Сирию, такая жалость и такая любовь к творению, что ты даже не останавливаешься на каких-то формальных вещах.

Священник Александр Гинкель (Белгород): Наиболее интересным лично для меня было обсуждение вопросов, касающихся происхождения человека. Правда, и креационизма, и эволюционизма в этом разговоре коснулись достаточно бегло, видимо, потому что год назад об этом говорили подробно в связи с темой сотворения мира. А в этот

раз были поставлены два вопроса: первый – как примирить Библию и науку, а второй – зачем примирять. И вот это

было для меня наиболее неожиданно – что мнения участников разделились на эти два пути, и было интересно и тех, и других послушать. Для меня самого все-таки важен первый вопрос – как примирить. Но оказалось, что есть люди, для которых этот вопрос не стоит, для них более важен второй – зачем примирять. Мол, неважно это все для веры, наука живет по-своему, а мы по-своему. И здесь была высказана действительно интересная мысль – что и путь волхов, и путь пастухов, и тот и другой к Богу ведет, и слава Богу, что у нас есть оба пути, через которые мы можем прийти к познанию.

Дьякон Павел Строков (Воронеж): Наиболее интересным для меня лично был разговор о соотношении христианского и научного взглядов на эволюцию и происхождение мира. И самое важное здесь – ответ на вопрос, который прозвучал ясно и остро: что мы можем сказать людям науки всерьез о творении мира, чем можно их заинтересовать? Что мы можем сказать этому миру с его действительно большими достижениями? Мне кажется, это очень важное направление усилий, потому что часто возникает такое ощущение, что в некоторых ситуациях христианам сказать что-то по существу бывает очень сложно. Здесь же, как и вообще в опыте оглашения, есть возможность диалога – даже в такой, может быть, наиболее сложной сфере, как соотношение веры с наукой в пространстве серьезного предметного разговора.

Важно и то, что в общении приехавших из разных городов и имеющих разнообразный опыт катехизаторов свидетельства дополняют друг друга и ставятся вопросы, которые являются актуальными для всех. Это не только обсуждение наработок Преображенского братства, а именно живой обмен опытом, который питает всех здесь собравшихся. Слава Богу, что люди находят в этом вдохновение – и это видно – для дальнейшего служения в своих епархиях. Ведь ни в чем, конечно, так не нуждается сегодня наша церковь, как во

Окончание на с. 8

Д.С. Гасак читает активную речь «Усилия пробуждения: Алексей Хомяков и Иван Киреевский как инициаторы самостоятельной духовной мысли в России». Актовый день СФИ, 2 декабря 2012 г.

Хомяков, вполне восприняв откровение личности, сумел соединить его с явлением церкви. И это то, что в творчестве Хомякова нам близко и дорого.

Дмитрий Гасак: Диалог, конечно, предполагает принятие другого, иначе нет диалога. Но участие в диалоге всё-таки не предполагает его априорную компромиссность. Все-таки диалог это еще и поиск единства, а не только готовность услышать другую позицию. Открытый диалог предполагает некоторую проблематичность, а часто и противоречие. В частности, возможность ошибки в выражении мысли... Может быть, отчасти и поэтому, например, не сложились отношения Хомякова с Пушкиным. Наверное, для Пушкина Хомяков был немножко идеолог. Хомяков был горячим апологетом Православия. Он ясно видел, что общество вокруг нецерковное и нехристианское, и пытался свою веру, как и свое положение в обществе как верующего, отстаивать. Он всегда искал обоснования своей веры, своей позиции, и этот вопрос был для него жизненно важным. Нужно ли было меняться в такой ситуации? Это не очевидно. В своем главном исповедании Церкви он не менялся.

Диалог ведь можно по-разному устанавливать; и Хомяков, я бы сказал, был немного провокатором диалога. Он вызывал людей на разного рода разговоры по тем проблемам, которые людям, может быть, не свойственно было обсуждать. При этом в его отношении к людям всегда присутствовал Господь Бог.

Я хотела Вас спросить о диалоге как о внутренней позиции человека, о его готовности быть открытым вызовам времени, откровениям, совершающимся через секулярную культуру.

Хомяков и Киреевский происходили из крепких традиционных семей, где была и культурная, и религиозная преемственность, и соответствующее воспитание детей. Н.А. Бердяев писал, что Хомяков был личностью очень цельной, трудно в нем проследить какую-то внутреннюю эволюцию. Конечно, его мысль, его откровение о Церкви, о Христианстве развивались, он об этом много думал. Но личностную эволюцию в нем проследить трудно: он рано сложился и не видно, чтобы переживал внутренние кризисы, переломы, как тот же Киреевский. Он был человеком восприимчивым и к западной, и к русской культуре, но при этом, мне кажется, его внутренняя свобода и крепкое положение на земле, отсутствие необходимости оглядываться предполагали

«Он был человеком веселого христианского духа»

К 210-летию со дня рождения А.С. Хомякова: беседа Юлии Балаксиной с проректором СФИ Дмитрием Гасаком и ректором СФИ священником Георгием Кочетковым

Начало на с. 1

внутренне цельную мысль. Славянофилы стремились обрести некую самобытность, как Пушкин сказал, самостояние, и в этом смысле были открыты к разговору с любым человеком, но при этом они не имели комплексов и ложных рефлексий по этому поводу.

Н.В. Гоголь, человек близкий Хомякову, любил использовать понятие «поприще». Человек, осознавая свое призвание, выходит на поприще – реализует призвание в общественной жизни. Можно ли говорить об особом «поприще» Хомякова?

Хомяков мыслил себя человеком всемирной отзывчивости. Это видно, в частности, и по его работам, и по воспоминаниям. Неслучайно он так долго писал свои «Записки о всемирной истории» и, видимо, считал это трудом своей жизни. Но, как это бывает порой с такого рода проектами, он, что называется, не попал в десятку. Сейчас нам трудно воспринимать это сочинение как фундаментальный научный труд, хотя в нем есть удивительные вещи. Главное, чем Алексей Степанович стал «любезен народу», – это своим открытием Церкви, своей мыслью о Церкви Христовой, при том, что он и в себе эту церковность выражал. Он глубоко пережил соборную природу Церкви, увидел в соборности, основанной на вере, едва ли не важнейшее качество Церкви. Но он был человек смиренный, и, имея сыновнее отношение к Русской церкви, не мыслил себя первым русским богословом, хотя по сути-то он таким и стал – первым русским свободным церковным мыслителем. А свое поприще он, наверное, видел больше в общественной сфере: об этом свидетельствуют и его писательские труды, и увлеченное хозяйствование в своих поместьях, и его отношение к семье. И Хомяков, и Киреевский в чём-то похожи, они не искали внешней славы, никакого социального переворота не старались произвести, не противостояли властям. Они всё-таки в Москве жили, и свое поприще, как кажется, по-другому чувствовали.

Чем тогда можно объяснить такое настороженное отношение к ним власти?

Мне кажется, только глупостью властного института, онтологической неадекватностью власти, внутренним противоречием, заставляющим её охранять саму себя. Причины в самой власти, а не в Киреевском и Хомякове.

Но в общем-то, те вещи, о которых они говорили, если они существуют не как идеология, а как жизнь, для власти, действительно, опасны. Какой власти нужна свободная церковь?

Ну, конечно, это вполне естественно. Самое интересное, что они к власти относились очень лояльно, и даже послушно, особенно если сравнить их отношение к российской власти с позицией революционеров второй половины XIX века, прежде всего большевиков. Впрочем, это и сравнивать невозможно.

А как же осуществилось тогда, если оно осуществилось, их влияние на русское общество, на церковь России, на мысль России? Или они так и остались не востребованными, не услышанными?

Это влияние парадоксально. Линия из церковной и, не побоюсь сказать, духовной традиции выявилась как бы постфактум. Вспомним, что даже термин «соборность» не собственно хомяковский. И те, кто называли себя прямыми наследниками славянофилов, оказались в большой степени идеологами, и центром их идеологии была Россия, не Церковь.

Но откровение Хомякова было воспринято в какой-то момент?

И да, и нет. И было воспринято, и не было воспринято. Говоря о церкви, мы должны говорить о персоналиях. Мы не можем говорить о массовом восприятии идеи и духа соборности в Русской церкви. Наследие Хомякова было воспринято лучшими: Ю. Самариним, Н. Аксаковым, Н. Неплюевым, богословской мыслью людей позднейшего времени...

На рубеже XIX–XX веков интерес к личности Хомякова был огромный. Ну, в связи с его столетием.

Не думаю. На Хомякова стали ориентироваться как на новый тип богословия, свободный от схоластических построений...

Это верно. Но в академиях-то что было в это время! В академиях Хомякова не преподавали. Свободная мысль развивалась по большей части вне академических стен, за их пределами. Церковная система, как называл ее архим. Антонин (Капустин), Хомякова не восприняла. Его мысль элитарна. Но одновременно она была чрезвычайно глубоко воспринята в церкви, что видно по плодам, которые она принесла. Но все-таки этого оказалось чрезвычайно мало...

Церковь для Хомякова не была просто идеей? Он действительно сумел возродить какое-то чувство церкви?

Это не просто чувство, это вера. Можно прямо сказать, что он возродил веру в Церковь. В этом смысле Самарин совершенно справедливо назвал его учителем церкви. Он возродил экклезиологический догмат. Но воспринято это не было... Вот, например, Н.Н. Неплюев – плоть от плоти хомяковской традиции. Но сколько он с его авторитетом, состоянием и положением в обществе претерпел непонимания и неприятия...

Почему мы называем Алексея Степановича Хомякова одним из духовных учителей Преображенского братства?

Мы его любим. Трудно отвечать на такие вопросы, в них есть какая-то самоочевидность. Они предполагают короткий ответ. Потому что Хомяков любил Церковь и был человеком поистине братского духа. Он был человеком свободного исповедания Православия, человеком,

открытым ко всему, ко всякому действию Божьему, в нем была эта всемирная отзывчивость. А таких людей немного в Русской церкви. К сожалению. И в этом смысле он не нуждается ни в какой апологетике. Наличие такого человека в русской истории должно любого, кто хоть сколько-то хочет быть чадом Русской православной церкви, побудить соотнести себя с Алексеем Степановичем. Он в этом смысле – «столп и утверждение». Поэтому мы у него учимся и считаем его одним из духовных учителей нашего братства. Смирно надеемся, что и он признал бы в нас своих учеников. Мы не можем быть вне этой традиции, это наш внутренний долг. Мы же говорим, что наша церковь апостольская, и в этом смысле ни один человек, который вознамерился соотнести свою жизнь с Господом нашим Иисусом Христом, не может быть вне апостольской традиции. В этом смысле и Хомяков стоит у истоков. (Разумеется, я не имею в виду, что Православие в России с него началось.) И не принимать это значит согрешать против истины.

А еще говорят, он был человеком веселого сердца.

Ну, это отдельная тема. Веселость в то время – некоторая норма души человека. Он не унывал, конечно. Он, как все умные люди, относился с большим юмором к себе и вдохновлял других. Он был человеком веселого христианского духа.

Отец Георгий, обладал ли Хомяков мистической интуицией? В чем она проявилась?

Профессор священник Георгий Кочетков: В соборности. Все-таки важно, что он знал, что такое соборность, и то, что он нашел ее в русском народе, а потом в церкви. Это очень интересно. Хомяков явил особый тип православия, и я это связываю с проблемами экклезиологии. Но почему же русская церковь и наше государство с недоверием отнеслись к Хомякову? Для меня это был шок. Я понял, что все корни современного клерикализма были уже тогда. И именно Хомяков противостоял уходу фактического православия в клерикалистскую модель. И его откровение связано с тем, что он трезво прозрел, что и в церкви, и в народе соборности уже почти нет.

А сейчас творчество Хомякова изучают в духовных академиях?

Дмитрий Гасак: Никогда.

То есть он так и остался нашей церковью не воспринят?

О. Георгий: А это вполне естественно. Он был поборником соборности, а там, где соборность, там – свобода. А если свободы нет, то и восприятия хомяковского откровения быть не может.

Помните, Н.А. Струве устраивал анкету к юбилею Хомякова для «Вестника РХД»? Тогда я между прочим ответил, что без Хомякова сейчас нельзя обойтись на полном взрослом оглашении. Н.А. Струве был очень доволен. Он понимал и значение хомяковского наследия, и проблемы с его восприятием.

Говорят участники конференции «Традиция святоотеческой катехизации: тема человека на основном этапе оглашения»

Начало на с. 7

вдохновенном служении свидетельства о её жизни и учении, таком, какое оно есть в самом своем существе, в самой своей красоте и силе.

Андрей Борейко (Москва), катехизатор: Я тут в некотором смысле не показатель. Это уже пятая конференция, а на предыдущих я не был. Мне были интересны выступления Давида Гэгзяна и Владимира Якунцева. Некоторые доклады были немножечко схоластическими. А вот рассказы тех священников, которые занимаются катехизацией в трудных условиях, были очень важными. Меня порадовало большое количество батюшек с разных концов страны. Это произвело

довольно сильное впечатление, потому что когда варишься здесь в политизированной столичной церковной жизни, то возникает ощущение, что ничего не меняется, а оно меняется, хотя очень медленно. Есть люди в разных епархиях, которые, несмотря ни на что, дело делают и у них даже что-то получается. Хотя еще несколько лет назад казалось, что стремление к полноценной катехизации задушат, зарпортуют, и последнее время эти опасения усилились на фоне поляризации общества. Но там, где умножился грех, там избилует благодать.

Вы активно занимаетесь практической катехизацией. Что

из того, что прозвучало в эти два дня, Вы взяли себе на заметку для того, чтобы использовать в процессе катехизации?

Священник Петр Боев: Как бы это банально ни звучало, но всё, что было озвучено, я записываю (я впервые так себя веду на конференции). Очень много важных мыслей, важных моментов, важных акцентов и т. д. Это, наверное, первая моя такая конференция, где важно абсолютно все.

Андрей Борейко: Это сложный вопрос, потому что какие-то вещи всплывут, когда в следующий раз будет идти второй, основной, этап оглашения. Я каждый раз

для него практически заново переписываю свои конспекты, исходя из состояния группы, из состояния людей. То, что здесь было сказано, там появится в каком-то новом виде. Я не то чтобы буквально возьму тексты докладов. Но какие-то процессы запущены, о чем-то можно подумать. А вот то, что говорил Владимир Якунцев – его примеры последствий грехопадения и о действии смерти в человеке как распадения человеческих связей и отношений – это можно использовать напрямую, просто цитировать.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

«Это всеми осознавалось не просто как веление времени, но как веление Божье»

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Отец Георгий, когда Вы поняли, что нужно переводить чины богослужения на русский язык?

Лично я таких вопросов перед собой и не ставил, вернее, это с самого начала был для меня не теоретический, а абсолютно практический вопрос. Я просто взял и стал к концу 1970-х годов, в результате уже почти десятилетнего оглашения, сам переводить какие-то части богослужения, прежде всего связанные с крещением. Ведь когда есть оглашаемые и есть полное понимание того, что они хотят войти в молитвенную жизнь церкви, но из-за языкового препятствия не могут это сделать, катехизатор не может не делать усилий для того, чтобы убрать все эти препятствия. Тем более что у меня перед глазами были очень хорошие примеры. В 1970-е годы я нередко бывал у отца Тавриона (Батозского) – знаменитого старца, святого человека, к сожалению, до сих пор по какому-то недоразумению не канонизированного. Он очень часто и очень мно-

го употреблял русский язык в богослужении у себя в Свято-Преображенской пустыньке под Елгавой. Об этом знал и его правящий архиерей – митрополит Леонид (Поляков), и не возражал. Это не было исключительным случаем, тогда многие пытались читать по-русски. Митрополит Никодим (Ротов) и другие его ближайшие ученики и соратники, сослужители делали свои переводы для практического употребления. Я помню, как в те годы, будучи тульским архиереем, шестопсалмие по-русски читал владыка Ювеналий. Да и вообще в традиции разумного – не рационального, а именно разумного – отношения к церковной традиции люди искали лучших путей реализации этой традиции в жизни. Вот поэтому они и использовали широко русский язык. И никогда никому в голову не приходило об этом спорить, ведь многие знали, что и до Первой мировой войны, и перед революцией, и тем более после революции в отдельных нестоличных приходах уже совершалось богослужение на русском

Архимандрит Таврион (Батозский). 1960-е годы

языке. На этом даже пытались играть одно время обновленцы, зная привлекательность этой практики для многих верных членов православной Российской церкви. Так что в 1970–1980-е годы это не было никаким дивом, это не было теоретическим вопросом.

Окончание на с. 2-3

В Казанской духовной семинарии состоялась презентация перевода Священного писания на удмуртский язык

8 мая 2014 года в стенах Казанской духовной семинарии в рамках проекта православной миссии среди народов Поволжья и Урала прошла презентация уникального перевода Священного писания на один из языков народов России – удмуртский язык.

На презентацию прибыл автор перевода – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института исследования истории и культуры уральских народов Удмуртского государственного университета, член Союза писателей России, референт Удмуртской епархии Русской православной церкви Московского Патриархата протодиакон Михаил Атаманов.

Проректор по учебной работе иеромонах Роман (Модин) провёл для гостей ознакомительную экскурсию по учебным аудиториям и библиотеке, после чего в семинарском храме был отслужен молебен Святому Духу на удмуртском языке, который возглавили настоятель храма святых Космы и Дамиана с. Нырья Казанской епархии иерей Леонид Прокопьев и клирик Ижевской епархии иерей Виталий Александров.

За богослужением молились воспитанники духовной школы и делегация удмуртской диаспоры во главе с её руководителем Валентином Серапионовичем Романовым.

После молебного пения в актовом зале проректор по учебной работе КазДС иеромонах Роман (Модин) представил

гостям протодиакону Михаила Атаманова. «Отец Михаил за 20 лет в одиночку совершил труд, который проделывают целые научные институты за долгие годы. Его перевод Священного писания на удмуртский язык, сравнимый по значению с подвигами равноапостольных отцов, стал одним из самых значительных переводческих проектов новейшей истории», – отметил иеромонах Роман.

Протодиакон Михаил от имени митрополита Казанского и Татарстанского Анастасия был награжден епархиальным знаком отличия «За церковные заслуги» I степени.

В ответном слове протодиакон Михаил поблагодарил владыку Анастасия и руководство духовной школы во главе с её ректором игуменом Евфимием (Моисеевым) за возможность посещения Казанской духовной семинарии и подарил библиотеке КазДС свой труд – Библию на удмуртском языке.

Затем состоялся праздничный концерт, на котором перед собравшимися выступили удмуртские фольклорные коллективы из с. Нырья Кукморского благочиния Казанской епархии.

В завершение собрания гостей от имени православных крашен приветствовал благочинный крашенских приходов, преподаватель КазДС протоиерей Павел Павлов.

«Это всеми осознавалось не просто как веление времени,

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Все помнили решение митрополита Сергия и его Синода о возможности последовать примеру патриарха Тихона, решению Великого Московского собора 1917–1918 годов и разрешить совершать богослужение по-русски желающим этого общинам. Именно этим решением признавалась церковной практика прихода отца Феофана (Адаменко) в Нижнем Новгороде, где вплоть до ареста настоятеля в 1937 году богослужение совершалось на русском языке. Да и другие люди в те годы трудились над переводами и практиковали такое богослужение. Хотя, к сожалению, хороших переводов не хватало, книг не было, всё приходилось делать самим. Вот и я в конце 1970-х делал полный перевод чинопоследования таинства Крещения на русский язык, что и пригодило потом, уже во времена моей учёбы в Ленинградской духовной академии, где эти молитвы также звучали над реальными оглашаемыми, которые появились там с весны 1981 года. Очень радостно, что в этом участвовал непосредственно сам владыка ректор. Так что здесь вопрос был совершенно практический: вопрос только в желании что-то делать для церкви, для людей. Хотя знаний, компетенции, конечно, у всех всегда не хватало. Но всё-таки каждый делал то, что мог.

Но всё-таки оглашать Вы начали раньше, в 1971 году, а переводить в конце 1970-х. С чем это было связано? С тем, что Вы увидели какую-то практическую возможность применить эти переводы, или с чем-то другим?

Когда мы в те годы оглашали людей в Москве, то для совершения таинства крещения, часто даже не в храме или в не совсем урочное время, мы обращались к лучшим московским и подмосковным священникам. А в домашних условиях или в каких-то более или менее сокровенных обстоятельствах служить по-русски было не только нетрудно, но и абсолютно не проблематично. Не было среди наших знакомых священника, который бы этого не делал. И даже те, кто потом, после 2000 года или даже в 1990-е годы, выступал резко против нас (в том числе за русский язык) – даже они использовали в этих условиях мои переводы. Я очень хорошо помню, как, например, отец Владимир Воробьёв, нынешний ректор Свято-Тихоновского института, опробовав сперва на практике, просил у меня эти переводы. И в этом не было ничего героического. Это была обычная церковная жизнь людей, которые хотели жить по вере и служить Богу и ближним.

Они целиком переводили богослужение или какие-то отдельные места?

Они не переводили, они использовали дореволюционные переводы. Дело в том, что переводить далеко не все могли по разным обстоятельствам. Перевод – дело трудное и в какой-то степени всегда профессиональное. Конечно, отец Таврион читал каноны на утрене по дореволюционным изданиям. Хотя кто-то делал переводы богослужебных текстов и в то время, например, академик Аверинцев. Но в целом это, повторяю, всеми осознавалось не просто как веление времени, но как веление Божье.

А трудности, с которыми сталкивались эти люди, или извне церкви, это были проблемы с властью? Или нет?

Конечно, во-первых, этому противостояли инерция и косность некоторых незаинтересованных в людях священнослужителей. Были, естественно, и соответствующие про-

блемы со стороны властей, потому что каждый ревностный священнослужитель вызывал у них пристальное и недоброжелательное внимание, вплоть до крупных неприятностей. Власти в те годы работали по ленинским принципам, а Ленин писал очень чётко и однозначно, что утончённый фидеизм, т. е. полная, разумная и не слепая вера, значительно опаснее веры слепой и фанатической. И люди, трудившиеся для воплощения заветов Ленина, конечно, это помнили и знали.

Насколько широко было известно среди студентов, преподавателей в самой академии, что начали применяться переводы этих чинов?

Да это же в храме делалось, при полном собрании профессоров, студентов, прихожан, как же это могло быть неизвестно? Ничего вначале не делалось потаённо. Только через несколько лет, где-то в 1982-м или 1983-м году, когда это, видимо, стало опасно, владыка ректор стал совершать крещение просвещаемых уже у себя в архиерейских покоях.

И какова была реакция со стороны преподавателей и студентов? Они как-то делились впечатлениями?

Никакой реакции не было. Тем более что огромное количество студентов было с Украины, в основном с Западной, а там вообще к этому вопросу отношение всегда было более простым, отчасти, может быть, из-за каких-то национальных предрассудков, но не только поэтому. Там всегда чувствовалось западное влияние, т. е. люди всегда старались подходить к богослужению более осмысленно. И до революции, и после революции Киевская школа играла свою положительную роль в церковной жизни. Неслучайно некоторые профессора Киевской духовной академии помогали тому же отцу Василию – потом иеромонаху Феофану – Адаменко в деле регулярного перевода богослужебных текстов на русский язык.

А что Вы перевели после чина Крещения? И был ли перерыв между первым и последующими переводами?

Я сразу переводил и ирмосы Рождественского канона, и Канон покаянный – это потихонечку всё время делалось, и в общем-то делалось непрерывно, насколько хватало сил, времени и возможностей. Поэтому я благодарю Бога за то, что Он дал мне возможность целых 35 лет так или иначе, с большей или с меньшей интенсивностью заниматься переводами. Конечно, теперь я уже не могу делать всё, что мне хочется, на это уже нет сил, но немного улучшать, редактировать созданные прежде переводы приходится даже сейчас.

К тому времени, когда Вы стали священником, у Вас уже были литургические переводы?

Что-то было, чего-то не было. Дело в том, что когда я стал дьяконом, а потом через пять лет священником, то, конечно, я не мог совершать богослужение бездумно, не понимая сам всего, что читаю. Поэтому сначала, служа в храмах, я не переводил, а русифицировал богослужение – но русифицировал достаточно глубоко и обширно. Еще в середине 1980-х годов, служа чтецом в Москве на Речном вокзале (будучи уже в сане дьякона после академии, я не мог служить дьяконом из-за того, что меня по требованию КГБ выгнали с последнего курса с «волчьим билетом»), я читал, конечно, русифицируя, делая текст наиболее понятным, но почти не менял его стилистику. И никто мне не делал замечания – ни священники,

но как веление Божье»

Начало на с. 1

ни прихожане. Наоборот, людям всё это очень нравилось. А потом, когда я стал настоятелем храма в г. Электроугли Московской области, то начал переводить снова. И после нескольких изданий русифицированных переводов всё-таки пришёл к выводу, что нужно не русифицировать, а именно переводить оригинал, что никакая русификация не даёт точности, полноты, ясности и в любом случае не улучшает церковнославянский текст. А нужно было именно улучшать, а не просто повторять то, что было раньше со всеми ошибками. А ошибок в церковнославянских переводах много, их надо, конечно, исправлять, но исправлять как бы с духовным приростом, т. е. доводя до полноты и ясности богослужебные тексты.

Эти переводы с греческого Вы делали уже где-то в конце 1990-х?

Да-да, это было, когда я жил в доме отца Сергия (Савельева) в Фирсановке в конце 1990-х, начале 2000-х. Я тогда старался создать группу переводчиков. Господь помог, откликнулись молодые члены нашего братства: профессиональные филологи – классики, слависты и русисты. И наша группа больше десяти лет работала над переводами – интенсивно, регулярно (каждую неделю), в результате чего мы создали первые шесть томов из семитомника «Православное богослужение» на русском языке. Седьмой том я уже перевёл один, т. к. по разным обстоятельствам группа прекратила своё существование.

Когда Вы служили в храмах по русифицированным чинам, было ли какое-то благословение на это?

Нет, никто не благословлял, но никто и не возражал.

Но кто-то об этом знал из церковного начальства?

Все знали. Владыка Арсений тоже появлялся в нашем храме, правда, он пришёл и стоял в самом храме, не заходя

в алтарь. И потом сказал: «Непривычно». Вот и всё, что он тогда сказал, больше ничего.

Как Вы считаете, почему вдруг в какой-то момент богослужение на русском языке стало якобы признаком нецерковности, по словам некоторых журналистов и церковных деятелей?

Это плод самой что ни на есть некачественной пропаганды, чёрного пиара. Кому-то явно не хочется, чтобы церковь жила по своей вере, кому-то не хочется, чтобы церковь жила нормально, кому-то не хочется, чтобы священники были действительно духовными отцами своих подопечных, пасомых в храмах, а хочется, чтобы они были как обрядоверы и требоисправители, как жрецы, которые совершают некие непонятные действия, что якобы возвышает их над народом. Кому-то хочется именно этого, но не хочется исполнять волю Божию. К этому можно добавить возросшее невежество и страхи разного рода. С начала 1990-х годов почему-то все стали друг друга обвинять, называть чуть ли не ересью перевод богослужения. 1990-е годы – это всё-таки сложное время в истории церкви.

Как долго ещё продлится неразбериха с этим вопросом? Каков Ваш прогноз?

Сейчас все говорят, что язык – это не проблема*. Но всякий священник, начиная служить по-русски, чувствует, что проблема есть. Можно себя уговорить, можно её существование замолчать. Но есть проблема, идущая сверху или сбоку, но не изнутри Церкви. Потому что нельзя считать голос невежества и мракобесия голосом Церкви.

Ну, будем надеяться на лучшее; на то, что у всех нас есть хорошее будущее.

* См., например, новость, посвященную выступлению митр. Волоколамского Илариона – «Видный представитель РПЦ предлагает в отдельных храмах совершать богослужения на русском языке». Режим доступа: <http://newsru.com/religy/03jun2014/hilarion.html>

Беседовала Анастасия Наконечная

Проблемы диалога

Интервью со студенткой Свято-Филаретовского института Ольгой Орловой

На одной из секций студенческой конференции в СПбДА, насколько нам известно, зашёл разговор о литургических переводах. Не могли бы Вы рассказать об этом подробнее?

На секции «Литургика и литургическое богословие» обсуждался доклад студента Санкт-Петербургской духовной академии «Диалог о литургической реформе в Русской Православной Церкви XX–XXI вв.». Докладчик оценил, какие вопросы более, какие менее сложны для диалога. Среди прочего он сказал, что проблема языка является одной из сложных. А в чём эта проблема? В

том, что многие не понимают церковнославянского языка. На эти слова тут же после окончания доклада отреагировал ведущий секцией протодьякон Константин Маркович. Он сказал, что никакой проблемы с языком нет: церковнославянский язык можно выучить за две недели. Потому что есть словари, учебники: литургию взял, посмотрел, перевёл, и всё за две недели сделал. А все проблемы от нашей духовной лени.

В ответ докладчик отстаивал своё мнение. Соглашаясь с тем, что язык, может быть, и не является существенной проблемой, он всё-таки говорил о непонимании, которое есть у людей, и о том, что проблему непонимания всей службы и неумения войти в неё

не решишь просто тем, что выучишь церковнославянский язык. Проблема действительно не только в языке как таковом, не только в том, что служба воспринимается как «что-то, происходящее на иностранном языке», а в том, что люди не могут войти в церковное богослужение. И язык этому также препятствует.

Ведущий говорил и о том, что проблема языка возникает потому что люди, которые должны выверять церковнославянские тексты, этого не делают. Ведь в требниках и других богослужебных книгах есть ряд ошибок. Они возникали при переписывании, из-за опечаток и по причине других нестыковок. Если же говорить о переводах, то

Выступление Ольги Орловой на конференции в СПбДА было посвящено особенностям подготовки и совершению таинства крещения ино-родцев в документах Синода XVIII–XIX вв.

они должны быть более качественными. «А сейчас качественных переводов нет», – сказал он.

А о переводах о. Георгия Кочеткова, изданных Свято-Филаретовским институтом, не вспоминали?

В докладе было сказано: известно, что в Свято-Филаретовском институте вышел семитомник перевода богослужений. И докладчик с уважением оценил это как большой труд.

Каков был контекст обсуждения? Ведь проблема перевода на наверняка обсуждалась как часть комплекса литургических проблем?

Ведущий перечислил множество проблем, которые он лично считает более серьёзными, чем вопрос языка: то, что на приходе служат по одному уставу, в монастыре по другому, в каком-нибудь ещё месте по третьему. И, понятно, что нельзя служить по монастырскому уставу в приходе. Все не выдержат таких длинных служб, и никто не может служить строго по уставу: много, много часов надо и готовиться, и служить. Ещё ведущий секции сказал, что клир отделён от мирян, и это тоже является проблемой диалога и литургической реформы. «Тайные» молитвы не слышны. И в результате что получается? О каком общем служении, т. е. литургии, мы можем говорить, когда видим вот такого рода проблемы?

Иначе говоря, наличие проблем не подвергалось сомнению. Все понимают сейчас, что какие-то изменения нужны, как и приведение к некоторым реалиям жизни, но говорится о том, что это стоит делать постепенно, плавно, чтобы эти изменения не были слишком болезненны для церковного дела. Кстати, такая же реакция, как на слова о непонятности языка, была и на слово «реформа». Потому что для многих слово «реформа» ассоциируется с тем,

что делал патриарх Никон, после чего раскололась церковь.

То есть изменения должны быть, но они должны быть не насильственными?

Да. Но при этом, я думаю, есть ещё такой момент: нельзя сказать, мол, всё, с понедельника мы все вечерню служим вечером, а утреню утром. Это воспримется как реформа, это воспримется как насилие. Потому что сложилось «приходское благочестие» (о котором тоже говорилось немножко на этой секции), и его так просто не поменяешь. В одном из докладов, который назывался «Проблемы богослужебной практики и церковнославянского языка в наследии А.А. Дмитриевского», говорилось об Алексее Афанасьевиче Дмитриевском (1856–1928 гг.), который был ходатаем за церковнославянский язык. И когда делались какие-то переводы, он на полях в своих работах помечал, что вот этот тропарь будет довольно сложно слушать, потому что какие-то фразы сложно ложатся. То есть кто-то пытался делать переводы, а он их старался охарактеризовать и понять, насколько это будет воспринято людьми. После доклада у студента спросили, писал ли что-нибудь Дмитриевский об Уставе, о том, что уставы разные? И докладчик ответил, что да, немного говорил. В его кругах обсуждалось, что лучше всего служить вечерню вечером, а утром – утреню и за ней литургию. Это и для восприятия лучше, и для смысла. Но дальше это не пошло, потому что приходское благочестие сложилось по-другому.

В результате вся дискуссия, конечно, звучала несколько противоречиво: с одной стороны, ведущие стояли за церковнославянский язык как выражение полноты смысла и красоты богослужения, говорилось, что только он во всей полноте это богослужение нам передаёт. С другой стороны, оказывалось, что из-за многолетней привычки можно жертвовать смыслом и вечерню служить утром, а утреню вечером; на это изменение устава все легко идут и же с этим свыклись.

Было ещё один момент, не связанный с вопросом языка, но связанный с тем, о чём я только что сказала, – с вопросом понимания смысла богослужения. Студент Воронежской духовной семинарии рассказывал о традиции возникновения малых многодневных постов в православной традиции. Но так или иначе его доклад касался и постов больших. Итог его выступления был в том, что количество дней поста зависит от величины праздника: чем праздник более значимый, более великий, тем пост дольше.

И когда я спросила у него, а почему именно такое количество дней, ведь, может быть, более качественно можно подготовиться за меньшее количество дней, например, к Пасхе за неделю, он на это сказал: «Сложилась такая традиция». Я спросила у докладчика, читал ли он Павла Гаврилюка, который пишет в своём труде «История катехизации древней церкви» о том, что во время постов велась подготовка оглашаемых к крещению и вся община молилась за оглашаемых об их вхождении в церковь (он ответил, что не читал).

Меня поддержал студент Свято-Тихоновского института; он сказал, что читал об этом и странно, что студент Воронежской духовной семинарии рассматривает возникновение постов только с восьмого или девятого века, а то, что было раньше, не рассматривает.

Удивительной при этом была реакция ведущего секции. Измерения, связанного с оглашением (которое, собственно, и придаёт длительным постам основной смысл), он вообще не упоминал. Он видел просто две вещи, что да, в кругу церковном количество постовых дней гораздо больше, чем обычных. Это очень сильно отражается на нашем рационе питания, а с другой стороны, разваливаются христианские семьи, потому что во время поста запрещены супружеские отношения. И поэтому можно предложить некоторые посты подсократить, и может быть, Всеправославный собор рассмотрит такие вещи.

Правильно ли я поняла, что дискуссия на эти острые темы, в том числе касающиеся языка, практически была между докладчиком и ведущим секции? Или всё-таки народ включался в разговор?

На этой секции присутствовало порядка шестнадцати человек, включая ведущего и секретаря, и человека два из аудитории включались в дискуссию, в принципе же была возможность включиться в дискуссию всем желающим.

Как бы Вы лично оценили эту дискуссию?

Я была рада тому, что возможность для диалога всё-таки была, и доклады, которые звучали на нашей секции, были довольно хорошего уровня. Видно, что люди стараются уделить время своей жизни настоящему исследованию того или другого вопроса. У многих студентов звучало, что это будет частью их будущих работ, магистерских, итоговых. Это было очень интересно. Была возможность живого общения.